

ЛЮБИМЫЙ



ДЕТЕКТИВ

# ТРЕТИЙ ДУБЛЬ

Сергей Высоцкий



Сергей Высоцкий

**Третий дубль**

«ВЕЧЕ»

2017

## **Высоцкий С. А.**

Третий дубль / С. А. Высоцкий — «ВЕЧЕ», 2017

ISBN 978-5-4484-7743-0

В книгу признанного мастера детективного жанра Сергея Александровича Высоцкого (1931 г.р.) вошли повесть – «Третий дубль» и роман «Не загоняйте в угол прокурора». В повести действие происходит в Санкт-Петербурге, когда во время съемок документального фильма бесследно исчезает знаменитый эстрадный певец. Его поисками занимается оперативная группа УВД... (Одноименный фильм снят в 1992 году режиссером Львом Цуцурковским, в главных ролях: Юлиан Макаров, Вячеслав Захаров, Артур Ваха.) В романе – следователь Владимир Фризе раскрывает двойное преступление, связанное с отравлением известного писателя и санитаря скорой помощи. Яд – один и тот же...

ISBN 978-5-4484-7743-0

© Высоцкий С. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

# Содержание

Третий дубль	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

# Сергей Высоцкий

## Третий дубль

Знак информационной продукции 12+

© Высоцкий С.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства [www.veche.ru](http://www.veche.ru)

## Третий дубль

### Повесть

#### 1

– Еще один дубль, Леня! – Максимов обнял облокотившегося на велосипед экстравагантно одетого мужчину.

– Ты сделал все великолепно, но пленка шосткинская, увы! Сам знаешь, сколько материала идет в брак.

– Могли бы для меня не пожалеть и «кодака».

– Откуда?! Нам не дают ни метра!

Режиссер Максимов снимал на Дворцовой площади эпизоды фильма-концерта о популярном эстрадном рок-певце Леониде Орешникове. Время для съемок выбрали ранее – пять утра. Освещенная утренним солнцем площадь в этот час была непривычно пустынной. Лишь молодая пара, наверное, прогулившая всю ночь по городу, с радостным любопытством следила за тем, что происходило на съемочной площадке, – Орешников был кумиром молодых.

– Ну как, начнем? – спросил режиссер, окинув певца оценивающим взглядом.

Леонид кивнул.

– Только умоляю, не морщи лобик, не щурься.

– Ты бы лучше озаботился, где раздобыть приличную пленку, – усмехнулся Орешников. – А то у вас скоро ни один хороший актер сниматься не будет. – Он легко вскочил на велосипед и не спеша поехал через площадь к улице Халтурина. Оттуда он должен был появиться в кадре.

«Сволочь надутая, – подумал Максимов, глядя вслед удаляющемуся певцу. – Нос еще не научился прочищать, а уже задирает! Безвкусный пижон!»

Особенно раздражал Максимова наряд певца – немыслимая черно-желтая хламида, развевающаяся на ветру, словно бурнус бедуина, скачущего на верблюде. Как он ни уговаривал Орешникова надеть что-то более гармонирующее со строгим убранством Дворцовой площади, певец категорически отказался менять костюм. Одежду он придумывал себе сам.

– Мальчики, приготовиться! – крикнул помреж.

Орешников лениво пересек тень от Александровской колонны, пересекающую площадь пополам.

– Первым пересек финишную черту наш прославленный мастер Леонид Орешников! – голосом спортивного комментатора Николая Озерова произнес бородатый, похожий на козла осветитель. Все рассмеялись. Только случайная зрительница бросила на него разгневанный взгляд. Наверное, это была верная почитательница певца.

Орешников подъехал к углу здания Военно-морского архива. Когда снимали предыдущий дубль, он останавливался здесь и ждал сигнала, чтобы двинуться навстречу камере. Сейчас, даже не оглянувшись, он свернул за угол, на улицу Халтурина...

Оператор, толстяк к клетчатой, навыпуск, рубашке навел резкость в ожидании, когда певец снова выедет из-за угла дома на площадь.

Прошло несколько минут. Леонид не появлялся.

– Что он, свалился там? – недовольно пробурчал Максимов.

– Он автографы раздает, – опять сострил козлоподобный.

– У него там свидание! – сказал оператор серьезно, не отрывая взгляда от видеоискателя. –

А вы просто завидуете.

– Какие злые люди! – обращаясь к своему полусонному спутнику, сказала девушка. Сказала нарочито громко, так, чтобы слышали все участники съемок.

– А вы что здесь делаете? – неожиданно вспыхнул администратор картины, пожилой меланхолик, все время сидевший на ящике от аппаратуры и, похоже, тихо дремавший. – Здесь вам не открытое собрание, а съемочная площадка...

– Освободите помещение! – тихо сказал козлобородый остряк, и все дружно грохнули, забыв на время о певце.

– Гена, пойдем. – Девушка бросила презрительный взгляд на остряка и, подхватив своего спутника под руку, потянула его за собой в ту сторону, куда уехал Орешников.

Возмущенный администратор схватил мегафон и крикнул:

– Граждане! Очистите площадь. Идут съемки. Очистите площадь!

Его голос отзывался эхом под аркой Главного штаба. Девушка с парнем испуганно шарахнулись и, круто развернувшись, пошли в сторону Невского.

Орешников все не появлялся.

– Ну что ж! – как-то уж чересчур спокойно сказал Максимов и посмотрел на часы. – У нашего «кумира» десять минут времени. Если через десять минут он не появится, я фильм снимать не буду. – Он сел на гранитный постамент колонны и закурил папиросу. Рука, державшая зажигалку, слегка дрожала.

– Лев Андреевич, чего вы переживаете? – наклонившись к Максиму, прошептал администратор. – Этих людей нельзя принимать всерьез. Так, эстрадная шелупонь, нарциссы. Плюньте.

– Нет! – крикнул режиссер. – У меня тоже есть принципы. Я спускать не намерен. Тем более нарциссам. Пусть с ним возятся другие. Уволюсь, а доснимать не буду!

– Но десять минут подождем? – спросил оператор.

– Подождем, – буркнул Максимов, и на съемочной площадке с облегчением вздохнули. Все знали отходчивый характер Льва Андреевича.

– Кто у нас самый быстрый? – спросил режиссер, оглядывая участников съемки.

– Толя Рюмин, – подсказал администратор.

– Не-ет! – запротестовал козлоподобный. – Я самый солидный!

– Толечка, не в службу, а в дружбу, – попросил Максимов. – Посмотри, что там с этим оболтусом?

– Только ради вас, Лев Андреевич! – Рюмин смиренно склонил голову и зашагал через площадь. Шел он медленно, нога за ногу. Как будто нарочно нагнетал напряженность. И, словно чувствуя на себе нетерпеливые взгляды, время от времени оглядывался, делая «ручкой».

– Ну вот... – сказал кто-то, когда из-за угла появился человек. Но тут же разочарованно протянул: – Нет, не Леня...

С улицы Халтурина, в направлении съемочной группы двигался мужчина с портфелем в руках. Поравнявшись с ним, козлоподобный спросил у него что-то. Но тот даже не остановился, только непонимающе пожал плечами. Подойдя к группе, он окинул телевизионщиков отсутствующим взглядом. В его глазах не было обычного для таких ситуаций любопытства.

– Уважаемый! – ласково окликнул мужчину Максимов, но тот продолжал двигаться. – Уважаемый! – повторил режиссер.

– Это вы мне? – мужчина оглянулся.

– Да, вам. – Максимов встал, подошел к мужчине.

– Вы не видели там, за углом, – Лев Андреевич махнул рукой в сторону улицы Халтурина, – велосипедиста? Такой странный молодой человек... лохматый и в бурнусе...

– В чем? – переспросил мужчина. Похоже, что мыслями он был где-то далеко.

– В бурнусе. Знаете, такая черно-желтая хламида.

– Нет! Не заметил, – мужчина извинительно улыбнулся. – Велосипед, по-моему, там есть. У Зимней канавки, но человек в бурнусе... Нет-нет не заметил.

– Что же, велосипед без велосипедиста? – растерянно спросил Максимов, но в это время администратор крикнул:

– Толик идет! – И все повернулись в сторону улицы Халтурина. Козлоподобный, выйдя из-за угла, широко развел руками.

– Чтоб ему пусто было! – сквозь зубы проворчал режиссер и сделал нетерпеливый жест рукой, призывая Толика поторопиться.

– Что он, купается в Зимней канавке? – спросил Максимов, когда запыхавшийся Рюмин притрусил к колонне.

– Нет его там, Лев Андреевич. Укатил наш корифей.

– Как укатил?! А велосипед?

– На велосипеде и укатил, – засмеялся козлоподобный.

– У него ноги длинные. Знай жмет на педали.

– Да как же... – начал Максимов и оглянулся, отыскивая мужчину с портфелем. Но того уже и след простыл.

– Вот же товарищ сейчас сказал, ты с ним повстречался, что велосипед на набережной лежит, – он растерянно оглядел собравшихся в кружок участников съемки.

– Сказал, – подтвердил администратор. – Только он какой-то малахольный. Надо проверить.

Несколько человек отправились на улицу Халтурина. Максимов не утерпел, пошел с ними. Ни Орешникова, ни велосипеда они не нашли.

Режиссер посмотрел на часы было половина седьмого. Сказал устало:

– Все, ребята, разъехались. Доснимать клип я не буду...

## 2

Капитан Панин уже собирался пойти домой, когда в кабинет заглянул шеф, начальник уголовного розыска Семеновский.

– Александр Сергеевич, на тебя опять «телега» пришла, – сказал он довольно миролюбиво.

Панин понял, что начальство хочет свалить на него какое-нибудь малопривлекательное дело и потому большого разноса не будет.

– Догадываешься откуда?

– Даже моей интуиции на это хватает, товарищ полковник.

– Нет, капитан, такого сюрприза ты не ожидал. Написал на тебя рапорт сам товарищ Зайцев...

Зайцев был начальником ГАИ.

– Перечислил все твои прежние нарушения...

– Николай Николаевич, их всего-то два! За три года!

– Два, ставших известными Зайцеву. – Полковник многозначительно посмотрел на Панина. – И позавчера третье. По Приморскому шоссе в черте города ты гнал за сто. На правительственной трассе.

– Ехал в Ольгино делать обыск у Сарнова. Служебные дела. Была бы мигалка...

– Ах, мигалка?! И еще эскорт мотоциклистов? Ты, по-моему, не совсем понимаешь, какие тучи над твоей головой сгустились. Зайцев человек принципиальный. Гласность так гласность! Равенство перед законом? Для всех! И прежде всего для работников уголовного розыска.

– А для автомашин с семерками? – буркнул капитан. Номера, начинающиеся с 77, имели машины высшего ленинградского начальства.

Семеновский сделал вид, что не расслышал:

– Мне надоело объясняться с Зайцевым, Саша.

– Ему самому хвост прищемили... – сорвалось у Панина с языка, и он густо покраснел.

– Саша, – шеф усмехнулся, глядя, как медленно уходит с лица Панина краска. – Ты хороший человек, даже краснеть в милиции не разучился, но считай лучше свои грехи. И готовь себя морально к выговору.

– Продам я машину, товарищ полковник. С ней только расходы. Буду ездить на казенной, с сиреной.

– А на своей, как все нормальные люди, ты ездить не можешь? Ну что бы произошло, сделай ты у Сарнова обыск на пятнадцать минут позже?

– Золотишко он успел бы припрятать! – улыбнулся Панин. – Искали бы мы его рыжие побрякушки трое суток. Вот что такое пятнадцать минут!

Семеновский вздохнул.

– Не могу я ездить медленно, Николай Николаевич. Честно, не могу! Это как болезнь. Правда. Бывает, сажусь за руль и думаю торопиться некуда, поеду нормально. Хоть на город посмотрю, на девушек... Нет, жмет нога на газ. Укачивает меня, товарищ начальник, медленная езда.

– Ладно; завтра я решу, какой тебе выговор объявить, – сказал Семеновский деловито. – А сейчас есть для тебя срочное дело...

Панин улыбнулся и подумал: «С этого бы и начинал».

– Ты певца Орешникова знаешь?

– Леонида?

– Значит, знаешь. Ты у нас меломан и интеллектуал. Тебе им и заниматься. Сегодня на пресс-конференции журналисты подняли вопрос о его исчезновении.

– Как это? – удивился Панин. – Такой известный певец и пропал бесследно?

– Вот ты и выясни, бесследно или следы все-таки остались. У тебя и знакомые среди местной богемы имеются.

– Николай Николаевич, какая богема? Какие знакомые?

– Есть, есть! Сам говорил – главный режиссер театра, певичка...

– Заведено дело по факту пропажи? – деловито спросил Панин.

– Зачем? Не надо! Прошло только два дня. Ты поинтересуйся, порасспрашивай. Может, у них так принято: загулял – и два дня отсыпается. Проведи разведку. Чем черт не шутит, а вдруг его похитили?

– Поклонницы?

Полковник на шутку не отозвался.

– Начни прямо сегодня. Сейчас. У этих ребят настоящая жизнь только вечером и начинается. Сам знаешь. А там видно будет, заводить дело или нет. Может, и всесоюзный розыск объявлять придется. Журналисты народ дотошный. На следующей пресс-конференции спросят.

– Николай Николаевич, да ведь мы у районного управления хлеб отбиваем! Их дело.

– Генерал сказал поручить Панину. Понятно? – Семеновский поднял руку в приветствии и двинулся к дверям.

– А какую резолюцию генерал на рапорте начальника ГАИ изобразил?

– Ты займись делом, Саша. Про резолюцию узнаешь. В свое время. – И полковник стремительно исчез за дверью.

Поздно вечером Панин позвонил режиссеру Нового театра Никонову. С Никоновым они учились в школе и даже вместе поступали в Высшую мореходку, на судоводительский факультет. И оба не прошли по конкурсу. Год проработали грузчиками в порту, зарабатывая морфло-

товский стаж, но в мореходку подавать не стали. Панин поступил в университет на юридический, а Никонов – в Институт кино, театра и музыки на режиссерский.

За год работы как-то само собой рассеялось их романтическое стремление к дальним плаваниям и красивой флотской форме. Встречаясь изредка, они теперь лишь подтрунивали над своим юношеским увлечением. Но если выдавалось свободное время, шли по старой школьной привычке прогуляться по набережной Лейтенанта Шмидта, там, где покачивались у гранитной стенки то большие сухогрузы, то франтоватые гидрографические теплоходы. Но кто из ленинградцев не ходит на эту набережную, кто не поглядывает не с завистью, нет, но с каким-то тревожащим душу чувством на таинственную жизнь, царящую на кораблях?

...Трубку снял Валентин.

– Здорово, Мегрэ! – приветствовал он Панина. Александру был симпатичен этот любитель пива и бутербродов с набережной Орфевр. Но капитан считал, что Мегрэ, баловень Симеона, слишком много времени тратит на то, чтобы понять преступников. А понять – значит простить. У Панина не было времени на то, чтобы понять, и еще меньше было желания простить. Поэтому он протестовал, когда приятель называл его Мегрэ. Но Никонов только посмеивался, и Панин смирился. Мегрэ так Мегрэ. Хорошо, что не мисс Марпл.

– Валя, что ты думаешь об исчезновении Орешникова? – не ответив на приветствие, спросил Панин.

– Уже и до милиции дело дошло! Ну прохиндей, умеет создавать себе рекламу!

– Ты думаешь, это розыгрыш?

– А ты считаешь, что его похитили фанаты? И разорвали на сувениры? Не вздумайте только всесоюзный розыск объявлять!

Панин подумал о том, что ход рассуждений у них с Валентином оказался не слишком оригинальным, и сказал строго:

– Тебе смешно! А начальство беспокоится. Прошло уже два дня...

– Год назад я снимал на «Лентелефильме» картину. Помнишь, «Парень из джаза»? Леня Орешников в главной роли. Так мы не могли найти его неделю! Завихрился с любимой девушкой, жил у кого-то на даче.

– А если серьезно?

– Если серьезно, то не знаю что и сказать, – ответил Никонов. – Максимов написал начальству докладную. Работать с Орешниковым отказался. Но администратор картины на свой страх объехал несколько Лениных знакомых, тех, кого знал. Его там нет.

– Как фамилия администратора?

– Не знаю. Да на студии тебе скажут. Саша, ты и правда собираешься его искать?

– Это ты у нас свободный художник. Ставишь, что тебе взбрдет в голову. А я занимаюсь тем, что мне поручают.

– Саша, он мог сесть на теплоход и уплыть по северным рекам. А может быть, купается в Пицунде. Леня непредсказуем.

– Что ты о нем знаешь кроме расхожих сплетен?

– Ну ты даешь! – Никонов помолчал несколько секунд. Потом сказал чуть даже удивленно: – Если всерьез – ничего! Кстати, раз уж тебе хочется...

– Хочется, хочется! – перебил приятеля Александр.

– Завтра я приглашен в один дом... Фамилия Ватагин тебе ничего не говорит?

– Эстрадный чтец?

– Это в прошлом, в прошлом. Миша Ватагин теперь пишет рассказы и сценки. А его жена... Ладно, завтра все сам узнаешь. В салоне Ватагиных очередной прием, будут люди, хорошо знающие пропавшего кумира. – Никонов засмеялся. – А может быть, появится и сам Леня Орешников.

Они еще с минуту препирались, кто за кем должен завтра заехать, хотя заранее знали, что поедут на такси. Но таков уж был ритуал. Никонов всегда поддразнивал приятеля, заверяя, что, надев милицейскую фуражку, он может садиться за руль и подшофе. Так что незачем нести расходы на таксомотор.

«Хорошенькая репутация у Орешникова! – усмехнулся Панин, положив трубку. – Никто не принимает всерьез его исчезновения. Только “хи-хи” да намеки на любовные похождения». Он никогда не был на концертах Орешникова, но то, что видел по телевидению, не приводило его в большой восторг. Голос – да! Сильный, красивый баритональный тенор. И некоторые песни он исполнял так, что за душу брало. Но его манера исполнения – прыжки, метания по сцене... Его наряды! Все это не совпадало с представлениями Панина о том, как должен выглядеть на сцене мужчина. Он не осуждал Орешникова, ему было достаточно того, что у певца хороший голос и серьезные песни. Мода меняется часто. И певец еще молод, у него все впереди. А пока, считал капитан, молодежь выбрала себе совсем неплохого кумира. Экстравагантность Орешникова, его манеру поведения на сцене Панин считал тонко рассчитанной игрой на популярность. Он относился к Орешникову серьезно, и первые суждения о певце людей из его среды обескураживали.

### 3

Ватагины жили на Староневском, напротив кинотеатра «Призыв». Поднимаясь на стареньком, расшатанном лифте, Панин в который уже раз спросил приятеля:

– Удобно ли без приглашения? Да еще менту?

– О чем ты говоришь! – отмахнулся Никонов. – Советский Мегрэ будет для них подарком.

– Только о том, что я... – начал Панин, но Валентин заговорщицки подмигнул:

– ...Занимаешься поисками «кумира» – ни слова!

Как только они вошли в просторный, завешанный африканскими масками холл, заполненный оживленно беседующими гостями, у Панина рассеялись все опасения по поводу своего появления в этом доме.

Никонов расцеловался с бледной, анемичной блондинкой лет сорока. Потом представил ей Панина, не забыв упомянуть его французского коллегу. Блондинка, Елена Викторовна, оказавшаяся хозяйкой дома, посмотрела на капитана с одобрением.

– А где Мишель? – спросил режиссер.

Хозяйка неопределенно взмахнула рукой.

– Понятно! – улыбнулся Никонов. – На кухне режет бутерброды.

Мишель Ватагин, наверное, услышал голос Никонова и тут же появился в дверях кухни с огромным ножом в руках.

– Как ты, Валя, догадался, что я занят бутербродами? – улыбаясь, спросил он. – Неужели финская салями распространяет такой аромат? – Они обнялись.

Выглядел Ватагин довольно живописно: нож, передник с кружевами, на голове кокетливо сидел белый берет. Скорее всего, чехол от морской фуражки.

– В том-то и беда, что никакого аромата. Просто я по опыту знаю – в этом доме отбивную не получишь. – Никонов повернулся к Панину. – Знакомься, мой школьный друг Алекс Панин. Ленинградский Мегрэ...

– Как же, как же, слышан! – Ватагин протянул капитану руку. – Валентин про вас такие сногшибательные истории рассказывает!

– Не верь, Саша, не верь! – торопливо, слишком торопливо запротестовал Никонов. – Ничего я ему не рассказывал. Михаил Арсеньевич мастер розыгрыша.

Ватагин понимающе усмехнулся и подмигнул Панину.

– Вы, ребята, распоряжайтесь тут. А я дострогаю бутерброды. Такую рыбку мне в Смольном, в столовой достали!.. – Он пошел на кухню, но у дверей обернулся: – Валентин, ты у нас старожил, помоги Елене гостей занять, а Мегрэ пусть музыку наладит. Узнаем, кстати, как у них в милиции с музыкальной эрудицией. – Он хохотнул, довольный своей шуткой, и скрылся на кухне.

В огромной, на первый взгляд безалаберно обставленной комнате собралось уже человек двенадцать гостей. Все стояли небольшими группками, со стаканами аперитива в руках. Несколько молодых женщин устроились прямо на пушистом ковре – рассматривали толстый каталог «Неккерман».

На приветствие Никонова ответили так, будто расстались полчаса назад – кто просто кивнул, кто помахал рукой. Елена Викторовна показала на поднос со стаканами. Аперитив был приготовлен на славу – крепкий, ароматный. С кружком лимона и со льдом. Панин с удовольствием пригубил, почувствовав пряный привкус итальянского вермута.

Валентин подвел его к столику, на котором стоял магнитофон. Показал, где хранятся кассеты.

– Разбирайся. А я пришлю тебе на подмогу красивую женщину. Ты еще ни на кого не положил глаз?

– Вали, вали отсюда, – проворчал Панин. – Без твоей протекции обойдусь.

Его задело замечание хозяина о милицейской эрудиции. «Тоже мне снобы! – сердито думал он. – Вот заведу вам сейчас песни Гражданской войны!» Но ни песен Гражданской, ни песен Отечественной войны в фонотеке семьи Ватагиных не было. Как не было, кстати, и у самого Панина. Зато, к своему удивлению, он обнаружил много фирменных записей настоящего джаза. Здесь были Луи Армстронг, Рей Чарльз, Глен Миллер и многие другие звезды, мастера регтайма и диксиленда. Капитан поставил кассету с записями Армстронга, и комнату заполнил хриплый голос певца.

Впечатление от вечеринки было такое, как будто присутствующие только что вышли из зала заседаний, где прослушали доклад, и теперь, разбившись на маленькие группы, обсуждают его в буфете. Большинство гостей пожилые мужчины, лица некоторых были знакомы Панину по спектаклям и телепередачам. Женщины, очень заинтересованно обсуждавшие новинки западногерманской фирмы словно собирались тут же встать и пойти за покупками, не произвели на капитана впечатления. Были они какие-то блеклые, усталые. «Пришли сюда прямо со спектакля, что ли?» – подумал Панин. И в это время в комнату вошла еще одна дама – молодая, улыбающаяся блондинка, о которых, не вдаваясь в подробности, обычно говорят: прелестная. Мужчины отвлеклись от своих серьезных разговоров и шумно приветствовали ее.

– Томик! Заворачивай к нам! – позвал актер Бубенец.

Почитательницы «Неккермана» встретили Томика кисло-сладкими улыбками, но она, не обратив внимания на «кислоту», радостно расцеловалась с каждой из них, но на ковер не села, а подошла к Панину.

– В кои веки новое лицо, – сказала она. – К вам можно?

– Пожалуйста. – Панин подвинулся, хотя места на диване было предостаточно.

– Меня зовут Тамара, – улыбаясь, сказала женщина.

– А меня Александр Сергеевич.

– Какие мы официальные! Я думала, что по имени-отчеству величают себя только полковники.

– Это проiski Вали Никонова? – поинтересовался Панин.

– Прежде всего мои, – сказала Тамара. – Я заглянула в комнату, увидела вас и спросила у Валентина: «Что за мужественный незнакомец скучает там в одиночестве?» Оказалось, что комиссар Мегрэ. А мне аперитивчик не раздобудете? – попросила она, словно бы давая понять, что ритуал знакомства закончен.

Весь вечер Тамара ни на шаг не отходила от Панина. Он и сердился и радовался одновременно. Радовался потому, что рядом с ним такая солнечная и веселая женщина. Но сознание того, что произошло это как бы помимо его воли, по инициативе самой женщины, какой бы солнечной она ни была, сердило Панина. Капитан привык к тому, чтобы инициатива всегда оставалась за ним. А вот как раз этого-то Тамара лишила его полностью. Панин чувствовал себя рядом с нею словно в осажденном городе. Покорно выслушивая ее рассказ о какой-то удивительной экстрасенсорше, лечащей по телефону, он поглядывал на гостей и никак не мог найти предлог, который позволил бы ему прорваться к «основным силам». Уже давно следовало навести общий разговор на тему исчезновения Орешникова. Никонов, наверняка виновный в бедственном положении капитана, пришел ему на помощь.

– Ну, Мишель, когда теперь заграничная гастроль? – спросил он хозяина, как только выпили за успешную премьеру.

– Э-э, милый мой, скоро только сказка сказывается! Ты же знаешь... – наверное, Ватагин хотел рассказать, как долго дело делается, но Никонов, быстро взглянув на Панина, перебил его:

– А Леня-то Орешников?! С огнем играет! Ему через неделю в Европу лететь, а он решил в прятки поиграть.

– Какие прятки! Уверена, что с ним неладно, – сказала хозяйка.

– Похитили! Похитили! – закричал актер Бубенец и почему-то взмахнул руками, как крыльями. Будто доподлинно знал, что похитили Орешникова на самолете.

– Как скучно! – сказала певица из Ленконцерта, фамилию которой капитан не мог вспомнить. – Куда ни придешь только и разговоров про Леньку!

«Ух и завидуешь ты, милая, Орешникову!» – подумал Панин, взглянув на певицу. На ее тусклом лице промелькнула гримаса такого равнодушия, что в него трудно было поверить.

– Ну что ж! У нас есть еще одна злоба дня, – засмеялся Ватагин. – Не хотите об Орешникове, поговорим о домовых. Хотелось бы знать, что думают о них власть предержащие? Тамара, выпусти Александра Сергеевича на свободу!

Свобода Панину была предоставлена, но только в урезанном виде: Тамара перекочевала с дивана за стол вслед за капитаном.

– Отвечайте, отвечайте! – заторопила певица. – Это поинтереснее, чем Ленкины фокусы.

– С привидениями в последние часы обстановка в городе осложнилась, – серьезно сказал Панин, и гости насторожились. – Есть данные, что они все чаще будут появляться на людях. Отсюда острый дефицит зубной пасты, мыла и французских духов...

– Это еще почему? – сердито сказал кто-то из мужчин за спиной у Панина. В ответ раздался дружный хохот.

– Ну, Коля, уморил! – не в силах унять смех, произнес Никонов. – Как ты не понимаешь – им же хочется поприличнее выглядеть!

Тему привидений гости восприняли близко к сердцу и наперебой стали рассказывать одну за другой самые фантастические истории о неутешных духах, мрачных зомби и переселении душ. Правда, большинство историй были почерпнуты из пустившейся во все тяжкие советской прессы и потому походили одна на другую. Потом на смену привидениям пришли Чумак и Кашпировский. О том, что телепередачи исцеляют страждущих, не было двух мнений. Спор разгорелся только по вопросу, кто помогает лучше.

– Когда в аптеках нет лекарств, и гипнотизеры благо, – сказал Панин, но его тут же застыдили как ретрограда.

– А вам не кажется, что из Кашпировского мог бы получиться хорошенький диктатор? – спросил Мишель Ватагин. – Стоит ему захотеть – почитатели тут же выдвинут его в какой-нибудь верховный орган!

Разговор сразу же получил новое направление. Даже прелестная Тамара на время забыла о Панине и напористо принялась пересказывать статью о Сталине из свежего номера «Огонька». Правда, ее не очень слушали. Каждый хотел сказать сам. Александр смотрел на Тамару с улыбкой и думал о том, как хорошо было бы очутиться с нею вдвоем где-нибудь в тихой уютной квартире, вдали от шума, от людей.

– А вы обратили внимание, друзья, что наш Мегрэ скис, как только разговор коснулся культа? – с ехидной улыбкой сказал вдруг актер Севрюк. – У них в органах, наверное, тоскуют по доброму кулаку!

– Да, действительно! – Тамара с улыбкой посмотрела на Панина. – Разговорчивым вас не назовешь. Что вы скажете о Сталине?

– Мы с ним вместе не служили, – нахально отбрехнулся капитан и пригубил бокал с шампанским.

– Нет-нет-нет! – запротестовал Севрюк. – Вы за Скалозуба не прячьтесь! Признавайтесь – демократия вам не по нутру?

– Товарищ артист, – сдерживая раздражение, тихо сказал Панин, – мне претят разговоры о демократии между закуской и горячим.

– Правильно! – поддержал Панина хозяин. – Все правильно, кроме одного – горячего не будет. Нажимайте на закуски.

– А что касается существа дела, – капитан неожиданно вспомнил Дона Карлеоне из «Крестного отца», свято верившего, что раздражение – удел слабаков, и улыбнулся. – Вы что же, думаете, много найдется таких, кто предпочел бы опять забраться в клетку?

– Не знаю, не знаю! – в голосе Севрюка слышалось пьяное упрямство. – Вы все-таки не отлынивайте от прямого ответа! Нам всем оч-чень важно знать... – он обвел сидящих за столом долгим, оценивающим взглядом. – Очень важно знать, что вы думаете о демократии. Не держите ли фигу в кармане?

– Да еще и с маслом, – тихо сказал Никонов. Но его услышали и засмеялись.

– Валя! – укоризненно покачал головой Севрюк. Жидкие светлые волосы рассыпались в разные стороны, и он стал похож на подвыпившего дикобраза. – Умница! Тонкая душа! Как ты-то этого не понимаешь? Наша жизнь... Господи! Мы должны от каждого потребовать ответа! Особенно от таких суперменов, – он ткнул пальцем в сторону Панина. – Они и понятия не имеют о том, что такое демократия. Даже моя кошка Машка понимает больше.

– Кончай демагогию, Вовка! – крикнула одна из женщин. – Не даешь чревоугодничать спокойно.

– Вот! – уныло сказал Севрюк, вытирая слезы. – Вот! За телячий студень готовы предать свободу. Но мы потребуем! – Он стал пристально вглядываться в лица присутствующих. Наконец обнаружил потерянного было Панина.

– Вам не удастся отмолчаться, молодой человек!

– Знаете, в начале века один юрист про таких, как вы, сказал: «У нас демократию понимают так: я делаю все, что мне хочется, а другому мешаю делать то, чего он хочет».

– Умница! – захлопала Тамара в ладоши и быстро поцеловала Панина в щеку.

– Правильно, правильно, – одобрительно сказал и хозяин. – Мы даже повернуться не можем без того, чтобы не задеть соседа локтем! А почему не слышно музыки? Саша, – обратился он к Панину, – ваши музыкальные симпатии я вполне одобряю...

– Они же у меня милицейские, – не удержался Панин.

– Давай за работу! – грубовато-дружески, словно они были сто лет знакомы, сказал Ватагин. – Томка тебе поможет.

Пьяный Севрюк пытался было увязаться за Паниным, но Елена Викторовна встала у него на пути и, что-то ласково нашептывая на ухо, увлекла в сторону кухни. Наверное, отпаивать крепким чаем.

– Ну и чем же вас порадовать? – спросил капитан у Тамары, быстро просматривая кассеты.

– Хорошим старым танго. У Мишеля есть такие кассеты!..

Панин включил магнитофон, и они пошли танцевать, уверенно лавируя среди бесчисленных пуфиков, кресел и журнальных столиков. «Поменьше бы всего этого барахла, – подумал капитан, – настоящий танцзал можно устроить».

– А вы человек непростой, – сказала Тамара, в упор разглядывая Панина. – С вами на брудершафт не выпьешь.

Панин рассмеялся:

– Что за странный вывод? И кстати... – он показал на щеку.

– Это в награду за находчивость. И больше не решусь. – Она хотела еще что-то сказать, но в это время рядом с ними остановилось миниатюрное и очень кудрявое существо не то школьница, не то зрелая женщина и похлопала в ладоши.

– Ну, Инка! – разочарованно произнесла Тамара. – Мы только начали...

Пигалица ничего не ответила, а только, упрямо поджав пухлые губы, хлопнула в ладоши еще раз.

С такими маленькими женщинами Панину танцевать не приходилось. Он только собрался поинтересоваться, в каком классе учится кудрявое создание, как девушка спросила: – Вы про Леню Орешникова слышали?

– Слышал. И про него слышал. И его самого слышал. Хороший певец.

– «Хороший» – это значит просто средний. А Леня был гениальный. – И она выжидательно посмотрела на Панина. Капитан решил подыграть:

– Почему был, милое дитя?

Лицо у женщины сделалось скучным.

– «Милое дитя» прощается вам как новичку. Снято с вооружения. Так вот про Леню. С ним расправились рэкетеры. Слышали про таких?

– И про них слышал. Доводилось, – усмехнулся Панин и хотел спросить, откуда у Инны такие сведения, но теперь уже Тамара с воинственным видом хлопнула перед ними в ладоши.

– Тамара, у нас серьезный разговор, – сказал Панин. – Через пять минут...

– Никаких пяти минут! Правила игры надо соблюдать!

– Не отвяжется, – совсем тихо произнесла Инна. – Вы меня на телевидении разыщите. Инна Ивановна Печатникова. У Мишеля есть все мои координаты. А сейчас мне пора...

Она подняла свою крошечную ладошку: – Чао!

– И что за серьезные разговоры могут быть с Инной Печатниковой? – спросила Тамара, прижимаясь к Панину чуточку ближе, чем требовалось в танце. – Признавайтесь.

– Это допрос?

– С пристрастием! А может быть, вы с нею давно знакомы?

– Инна рассказывала мне про Леню Орешникова.

– Что она может о нем рассказать? Этот анфан тэрибль замечает во время съемок только режиссера и музыкантов. А директор картины, администратор...

«Что они, сговорились устроить мне проверку? – подумал Панин. – Один выясняет мои познания в музыке, другой – отношение к демократии. Теперь эта экзальтированная дамочка решила проверить, силен ли я во французском».

– Этот, как вы сказали, Фанфан-Тюльпан хороший певец, по-моему. И вдруг пропал. Инночка его очень жалеет.

– Найдется. У Лени Орешникова есть такое хобби: внезапно исчезать и внезапно появляться. А это вы хорошо придумали: Фанфан-Тюльпан!

– Я придумал? – Наверное, капитан перестарался, и Тамара поняла, что ее разыгрывают.

– Ладно-ладно! Не придуривайтесь. У меня есть предложение – кофе пойдем пить ко мне. Это совсем недалеко, на Второй Советской.

– А как же?.. – Панин обвел глазами гостей.

– По-английски, гражданин следователь. А к тому же я женщина свободная.

Уход по-английски не получился. Тамара, прежде чем удалиться, пошептала с хозяйкой, а Панина засек Валентин Никонов:

– Мегрэ, уж не к Тамаре ли ты отправился пить кофе?

Осведомленность друга покорила капитана, и он буркнул:

– А тебе завидно?

В подъезде было темно. Лишь слабый отсвет белой ночи с трудом пробивался через пыльное стекло над дверью. Панин заметил легкую тень, прижавшуюся к стене. Тамара подстерегала его, и, когда он, сделав вид, что ни о чем не подозревает, проходил мимо, прошептала сдавленным голосом:

– Руки вверх!

А потом, прижавшись к Панину, долго целовала его, обхватив руками за шею. Губы у нее были удивительно мягкие и нежные. Панин вспомнил слова Валентина, но внутренне отмахнулся от них, как от пустых и ничего не значащих.

Они шли по тихим светлым улицам не спеша, так, как ходят люди, уверенные в том, что в конце пути их ждет непременно награда.

– Вот и пришли, – сказала Тамара. – Теперь поступаем так: сначала иду я, поднимаюсь на лифте на шестой этаж. Оставляю дверь квартиры открытой. Номер сорок. Через пять минут поднимаетесь вы. А то у нас в подъезде сидит старушка дежурная. Может, спит, а может, и нет... Очень любознательная. – И, не дав Панину опомниться, она поцеловала его и быстро вошла в подъезд.

– «Я женщина свободная...» – прошептал, скисая, капитан. Но в воздухе еще витал аромат ее духов, и Панин, подождав несколько минут, вошел в подъезд. Комнатка дежурной была закрыта, а сама дежурная, наверное, сладко спала. Александр вызвал лифт. Старинная кабина ползла медленно, гулко отщелкивая этажи.

У сороковой квартиры он на секунду задержался, стараясь унять волнение, и толкнул дверь. Дверь не поддавалась. «Что за черт? – подумал Панин. Захлопнулась случайно?» Он позвонил и прислушался: за дверью ничего не шелохнулось. Он позвонил еще раз – с таким же успехом. Панина взяло сомнение: а хорошо ли он расслышал номер квартиры? Может быть, сорок вторая или сорок первая? Ступая осторожно, капитан подошел к сорок первой и легонько толкнул дверь. Никакого эффекта. Разочарование ожидало Панина и в сорок второй квартире. «Хорошо вас провели, Александр Сергеевич! – усмехнулся капитан. – Как школьника».

Когда он спустился на лифте на первый этаж, дежурная словно поджидала его.

– Вы к кому ехали, молодой человек? – строго спросила она Панина. Она была еще совсем нестарая и своей повадкой и обликом напоминала учительницу начальных классов.

– Не «к кому?», а «от кого?». Так будет правильней, – стараясь выглядеть беззаботным, сказал капитан. – А «от кого» большой секрет.

Дежурная промолчала. Но всем своим видом выразила Панину крайнее неодобрение. А лукавая Тамара даже носа не высунула из своей квартиры. «Неужели простояла за дверью, прислушиваясь к тому, что творится на лестнице? – подумал капитан. – Или легла спать?»

При мысли о постели, о легком аромате Тамариных духов Панин почти физически почувствовал острое сожаление. словно дыхание перехватило. Но только на одно мгновение.

4

Утром Панина разбудил бодрый хриплый голос будильника. Ленясь протянуть руку и нажать кнопку, Александр сердито подумал о том, что Никонов дома будильника вообще не держит. А телефон включает только после десяти. И Ватагин небось спит сейчас без задних ног. И нализавшийся Севрюк отсыпается. И только он, капитан Панин, должен вставать и топать к себе на Литейный. Да еще разбираться во всем, что напели эти люди вчера вечером про Леонида Орешникова.

«Чушь какая-то, – сердился Панин. – И рэкетиров даже вспомнили!»

Будильник, утратив первоначальную бодрость, похрипел еще несколько секунд и заглох. Александр с удовольствием потянулся, ощутив, как уютна и тепла постель. «Еще пять минут... От силы десять, – решил он. – И я встану бодрым и добрым». Он уже ни на кого не злился и не думал о рэкетирах.

Проснулся Панин ровно в девять.

«В конце концов, не смертельно! – успокаивал он себя, торопливо намыливая лицо перед зеркалом в ванной. – Я ведь по делам службы в этой артистической компашке до трех ночи проторчал! А выпил-то всего два бокала шампанского да пару коктейлей. А мог бы...» Тут ему в голову пришла спасительная идея. С помазком в руке он кинулся к телефону, торопливо набрал номер своего коллеги Зубцова, с которым занимал один кабинет.

– Миша, это я. Начальство будет спрашивать – я в библиотеке.

– В библиотеке? – удивился майор.

– Угу. А потом в театре. Шеф вчера назвал меня интеллектуалом и меломаном. Надо оправдывать доверие.

– У нас в отделе был один меломан... – начал Зубцов, но Панин перебил его:

– Знаю-знаю. Он плохо кончил. Привет, Миша!

– А ты в какой библиотеке? – спросил майор, но этого Панин еще и сам не знал, а потому повесил трубку.

В десять он уже сидел в пустом читальном зале детской библиотеки ближайшей от его дома и листал подшивку «Смены». Библиотекарша посадила Панина за стол прямо перед собой и все время с подозрением взглядывала на него. Читальный зал открывался только в одиннадцать, и капитан с трудом уговорил библиотекаршу впустить его в помещение. Даже милицейское удостоверение не произвело на девушку никакого впечатления.

– Что у вас, в милиции, своей библиотеки нет? – сопротивлялась она, никак не реагируя на улыбки капитана. На ее лице словно навеки застыла легкая гримаска брезгливости. Панин почему-то вспомнил бабушку, как она журила за то, что он гримасничал перед зеркалом: «Вот сведет тебе лицо судорогой, и будешь всю жизнь кривой ходить».

«А у тебя, милая, наверное, бабушки не было, – пожалел капитан девушку. – Ты так и проживешь всю жизнь, скривив свои губки».

Статья в «Смене» называлась «Дом Арлекинов». Она начиналась словами: «Двадцать лет замечательный возраст: расцвет молодости! Для человека. А для театра, оказывается роковой. В двадцать лет театр должен умереть, считал великий Станиславский».

«Красивые слова, – подумал капитан. – А что же театр? Решил не умирать?»

Дальше автор статьи писала о том, что на «Конгрессе дураков» в Ленинграде «Театр Арлекинов» проводили «в последний путь». «По-моему, – утверждала журналистка Сернушкина, – способность пошутить над собственной смертью – признак молодости».

– Хороший признак! – прошептал Панин с изумлением и посмотрел на библиотекаршу.

– Вы что-то сказали? – Девица по-прежнему не спускала с капитана глаз. Наверное, боялась, что он выдерет нужный ему номер газеты и унесет к себе в управление.

– Способность пошутить над собственной смертью – это признак молодости?

– Как это? – библиотекарша так удивилась, что презрительная гримаска исчезла.

– Черный юмор! – вздохнул капитан и снова принялся было за статью, но фраза, произнесенная им, видно, не на шутку заинтриговала библиотекаршу.

– Я плохо поняла ваш афоризм, – сказала она и почему-то покраснела. – Вы хотели сказать, что в молодости со смертью нельзя шутить?

– Со смертью, милая девушка, в любом возрасте шутки плохи! – серьезно произнес он. – Это я вам официально заявляю. А тут, – он постучал пальцем по газете, – одна гражданка решила пошутить.

– И что? Ее убили?

– Да нет, не убили! – капитан весело рассмеялся, разглядывая библиотекаршу. Без презрительной гримаски ее можно было бы назвать милашкой. – Не убили, слава богу! А за уши я бы ее отодрал. Вы потом прочитайте, что она тут накарябала.

Статья была довольно длинная и восторженная. «Одни всхлипы и вскрики», – сердито думал Панин, быстро пробегая глазами строчки в поисках фамилий пропавшего певца.

«Вечный поиск требует жертв. К “Арлекинам” приходили многие. Были среди них талантливые. Даже очень. И уходили. Не выдерживали. Нужна была не просто полная самоотдача, требовалось самоотречение. Ушел Леня Орешников, не захотевший ограничить свои интересы ради коллектива, в котором вырос, сделал себе имя. Остались те, кто принял условия “Арлекинов”. Они – основа театра, носители его неписаных законов. Они – образцы. И одновременно – жертвы. Потому, что в коллективе объединяются не половинки, которые легко составляют целое, не абстрактные существа, а конкретные личности, которым неизбежно приходится что-то менять в своей судьбе, отказываться от ее предложений, шансов».

«Орешников не отказался от своего шанса, – с удовлетворением подумал капитан. – И правильно сделал!» Впечатление о «Театре Арлекинов» у Панина складывалось неважное. Он только сомневался – не журналистка ли виновата? Не под ее ли резвым пером театр выглядит братской могилой? Но если все, о чем она написала, правда, то такому яркому таланту, как Орешников, у «Арлекинов», наверное, не хватало воздуха.

Особенно много всхлипов в статье досталось на долю певицы Татьяны Данилкиной. «Если она жена главного режиссера Данилкина, – решил капитан, – то не слишком-то скромно расточать столько дифирамбов».

И еще одно место в статье привлекло внимание капитана: «Арлекины» говорят о себе: «Мы большая итальянская семья». Что такое «итальянская семья», представляют даже те, кто в Италии не бывал...» Панину тоже не приходилось бывать в Италии, но его представления об «итальянской семье» были слишком профессиональны и вызвали в памяти имена Аль Капоне, Лючиано и других «крестных отцов».

«Интересно, как отнеслись к этим пассажирам в самом театре? – подумал Панин. – Надо будет выяснить». Он записал в свой потрепанный блокнот адрес театра, имена упоминавшихся в статье актеров. Поблагодарил библиотекаршу.

– Если вам очень нужна эта газета, я могу поискать дома. Мы с мамой выписываем «Смену», – сказала девушка, провожая капитана. Тон у нее теперь был доброжелательный, даже ласковый, но презрительная гримаска опять угнездилась на лице. Наверное, происходило это непроизвольно.

– Спасибо, девушка. Все, что нужно, я узнал. Не стоит беспокоиться, – поблагодарил Панин, а сам внутренне усмехнулся, отметив полученную информацию о том, что «Смену» они выписывают с мамой. Не замужем, стало быть.

На улице рядом с библиотекой стоял тощий и длинный акселерат с большим диском Орешникова. Кумир молодежи глядел на капитана с яркого глянцевого конверта довольно самоуверенно. С тех пор как Александру поручили им заняться, певец подкарауливал капитана

на каждом шагу. Стоило ему включить радио в машине, как тут же начинал петь Орешников. Размахивая гитарой, он улыбался Панину с плакатов, развешанных чуть ли не на каждой улице.

«Не замечал я его раньше, что ли?» – удивлялся капитан. Он сел в машину, прикинул, как быстрее всего добраться до Пионерской улицы, где «Театр Арлекинов» приютился в каком-то подвале. «Через десять минут буду на месте, – решил Панин, но тут же сморщился, вспомнив про рапорт начальника ГАИ. – А сегодня как раз четверг, день безопасности уличного движения. Придумают тоже! Ну почему следует вести автомобиль особенно осторожно только в четверг!»

Панин уже переехал через Биржевой мост, когда вдруг понял, что в «Театре Арлекинов» ему, в общем-то, делать нечего. Вчера вечером, слушая туманные намеки кое-кого из гостей и наблюдая, как многозначительно кивает Никонов, он просто попался на удочку. Поддался чужим неясным эмоциям. Два года уже минуло, как Орешников ушел из театра. Год, судя по словам Тамары, труппа «кувыркалась» и «пускала пузыри», лишившись лидера. И если с певцом ничего не случилось в те дни, когда актеры выступали при пустом зале и винили в этом Орешникова, то мстить ему сейчас чушь!

– Чушь и глупость! – громко повторил Панин. – А я, дурак, вместо того чтобы заняться версией о рэкетирах, ударился в литературу! Ну о чем я буду спрашивать этих чудиков, которые способны «подшутить над собственной смертью»?! Нечего мне там делать, нечего, – уговаривал себя капитан, а сам уже катил по Пионерской, разглядывая вывески на домах. Не мог он сейчас вернуться в управление. Начальству-то просил передать, что поехал в театр!

## 5

– Что вы можете рассказать о Леониде Орешникове? – спросил капитан, когда они сели с главным режиссером в мягкие удобные кресла в крошечном, но уютном кабинете.

Данилкин не торопился с ответом. Изучающе смотрел на Панина, словно прикидывал, стоит ли отвечать этому неизвестному гостю. Главный режиссер был худ и бледен. Капитан знал, что Данилкин и сам занят в спектаклях, и подумал: «Ему и лицо белить не надо, только надеть колпак». Он никак не мог отделаться от ощущения, что все время примеряет к главному режиссеру костюм арлекина.

– А кто такой Леонид Орешников? – наконец нарушил молчание Данилкин, и его опрокинутое лицо стало замкнутым. Ледяной тон главрежа не оставлял сомнений в истинном значении его фразы.

Такого поворота Панин не ожидал.

– Леонид Николаевич Орешников, тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения, служил в «Театре Арлекинов» с декабря восемьдесят первого по март восемьдесят седьмого под руководством главного режиссера Данилкина...

– Капитан, повторяю еще раз, – голос Данилкина звучал теперь спокойно, даже доброжелательно. – С человеком, которого вы сейчас назвали, я никогда не был знаком и ничего о нем не слышал...

«Ну, сукин сын!» – внутренне вскипел Панин. Он чуть было не ляпнул сторяча: «Что вы тут театр устраиваете!», но вовремя спохватился и сказал:

– Василий Николаевич, я не знаю ваших взаимоотношений с Орешниковым, но хочу предупредить: отвечать на мои вопросы вам все-таки придется. Не здесь, так на Литейном, в служебном кабинете. Человек-то пропал.

– Я еще раз повторяю... – начал было Данилкин.

– Да хватит вам придуриваться! – не выдержал Панин. – Я к вам пришел по серьезному делу, за помощью, а вы...

– А как с точки зрения законности и демократии – допустимо ли следователю кричать?

– Во-первых, я не следователь, – жестко сказал Панин, – во-вторых, в законе сказано, что отказ свидетеля от дачи показаний карается в уголовном порядке.

– А я свидетель? Чему? Пропаже этого подонка Орешникова?

Данилкин произнес все это так, как будто находился на сцене. Он даже заломил руки, как будто перед ним сидел не доведенный до кипения милицейский капитан, а сотни три восторженных зрителей.

Панин промолчал.

– Вы можете меня зарезать – я сейчас отвечать не буду...

– Придете завтра в десять на Литейный, – быстро сказал капитан, почувствовав слабинку своего визави. Он оторвал от перекидного календаря листок, записал свой телефон, номер кабинета. Положил на стол. Потом взял листок обратно и записал домашний телефон. – Сейчас я поговорю с актерами труппы.

– Говорите, – безразлично махнул рукой Данилкин.

И в разговорах с актерами капитан не преуспел. Он решил не вызывать всех по очереди в кабинетик главного режиссера, а беседовать с людьми где придется – на сцене, в зрительном зале, в фойе. В привычной для них обстановке. Однако театрик оказался таким маленьким, что разговоры проходили на виду у всех. Но Панин мог поклясться, что не это было причиной нежелания собеседников откровенничать. Впечатление создалось такое, как будто актеры дали себе клятву вычеркнуть своего бывшего коллегу из памяти. Капитану даже показалось, что здесь ждали прихода милиции и заранее сговорились молчать. Нет, это не носило характера такой откровенной демонстрации, как с главным режиссером. Но каждую фразу приходилось тянуть клещами. Да и что это были за фразы! Обкатанные, словно галька на пляже Черного моря.

С девушками из кордебалета капитан разговаривал за кулисами в раззолоченном ландо. Сидел на неудобном месте кучера и старался не слишком внимательно рассматривать своих собеседниц, – они только что кончили репетировать и были почти голые – в телесного цвета трико и без лифчиков. Густой запах женского тела витал на сцене – подмышки у танцовщиц темнели разводами пота. Девушки, чувствуя скованность молодого сыщика, обменивались быстрыми насмешливыми взглядами. Но как только Панин начал расспрашивать об Орешникове, вся их игривость улетучилась. Отвечали односложно: да, нет, не знаем, не видели. По их рассказам выходило так, что певец держался особняком, задирал нос и общаться с ним было нелегко.

И только одна из девушек, как показалось капитану, самая красивая, сердито бросила:

– Да что вы, девки, заладили панихиду! Все было о'кей, пока он нам задницу не показал. – Сказала и тут же громко вскрикнула. Панин успел заметить, как ее соседка отдернула руку от спины говорившей. Наверное, ущипнула. Сообразив, что капитан заметил ее вылазку, девица отвернулась и тихо сказала:

– Мы из-за него, подонка, год на хлебе и воде сидели. Почти без зарплаты.

Капитан подумал: «Что ж у них вся группа на одном человеке держалась?»

Самым разговорчивым оказался администратор – розовощекий упитанный весельчак, которого все называли Аликом. Сидел он точно в таком же кабинетике, как и Данилкин. Все стены заклеены афишами. На одной улыбающийся Алик собственной персоной, балансирующий на канате из слов «смета» и «расходы», натянутом между двумя башенками. И подпись: «Олег Краснов – смертельный номер в “Театре Арлекинов”».

– Ничего коллажик ребята состряпали? – кивнул Алик на афишу. – Все как в жизни! – Он засмеялся и спросил:

– Значит, Ленею Орешниковым интересуется? У нас на его имя табу наложено. Но я человек начитанный, законы уважаю. Вас что, собственно, интересует?

– Почему он ушел из театра?

– Ну... Это ж как дважды два. Рыба ищет...

– Где глубже... – перебил капитан. – Это даже у нас в милиции известно. Работая в театре, Орешников мог выступать на стороне? Участвовать в концертах, например?

– А то! Только для него и сделали исключение. Четыре раза в месяц. Но без гастрольных поездок. У нас и главреж себе этого не позволял. Сколько раз в кино приглашали сниматься – ни-ни. А Ленчику исключение делал.

– А какие-то размолвки, ссоры с Орешниковым были?

– Упаси Господь, никогда! Жили душа в душу. – Алик замолк на секунду, сморщил лоб. – Ну, во всяком случае, мне так кажется. – Он проглотил в слове «кажется» буквы «ж» и «с», как говорят иногда дешевые пизоны. Получилось: «ка'тся».

– Прекрасный коллектив! – Панин одобрительно кивнул и поднялся. – Спасибо за ценную информацию. – Он, не прощаясь, пошел к выходу, но у двери обернулся и спросил: – Не подскажете ли, где я могу найти Данилкину?

Алик смотрел на капитана, как обиженный школьник. Похоже было, что он и вопроса не расслышал.

– Данилкину где мне найти? – повторил Панин.

– Жену главрежа?

Панин ждал.

– Сейчас ее в театре нет. Приболела. Час назад домой уехала.

С помощником режиссера Курносковым капитан беседовал в полутемном зрительном зале. Молодой сухощавый мужчина нехотя, словно через силу, отвечал на вопросы и все чертил и чертил что-то фломастером на листе бумаги. Потом, бросив быстрый взгляд на сцену, где Данилкин разговаривал с девушками из кордебалета, показал лист Панину. Там было написано крупными буквами: «Кафе “Север”, 16 часов?».

Капитан кивнул.

## 6

Едва капитан переступил порог своего кабинета, как Зубцов подкинул ему «приятную» новость.

– Пока ты ходил по театрам, начальство тобою сильно интересовалось.

– На то оно и начальство, чтобы подчиненными интересоваться, – легкомысленно сказал Панин и, удобно устроившись в старом массивном кресле, с удовольствием вытянул ноги.

– Зря рассиживаешься. Семеновский уже раз пять тебя спрашивал. Просил зайти.

Капитан посмотрел на часы. Три. Если шеф задержит надолго, на обед не останется времени. «Ну и ладно, – подумал он. – В шестнадцать в “Севере” поем. Блинчики разговору не помеха».

– А у меня званый обед в «Севере», – сказал он. – Шампанское брют, мороженое с вишневым вареньем...

Мороженое было слабостью капитана. Особенно с орехами или с вишневым вареньем. Мать его очередной невесты ловко использовала эту «слабость», чтобы отговорить дочь выходить замуж за милиционера: «Если мужик сластена, а вместо водки пьет шампанское – человек он пропащий. Сладкий пьяница хуже горького во сто крат».

– Ты бы, Саша, притормозил, – задумчиво глядя на Панина, сказал майор. – Начальство нас балует, пока все идет гладко. А чуть серьезный прокол – каждое лыко в строку поставят. Если не выйдешь на след певца сегодня-завтра, аукнется тебе и рапорт начальника ГАИ, и отсутствие на оперативках, и обед в «Севере».

– Чудак ты, Миша! Тебе чего не скажи – все за чистую монету принимаешь! Встреча у меня в «Севере» со свидетелем. По поводу этого чертова «кумира»!

– У тебя никогда не разберешься, шутишь ты или правду говоришь, – недовольно пробурчал Зубцов. – Сказал, шампанское идешь пить... Может, с новой невестой встреча!

– А ты, Миша, в служебное время никогда шампанское не пьешь? – улыбнулся Панин. – Или бывало?

– Иди ты!.. – рассердился майор.

Все в управлении знали, что у Зубцова с чувством юмора напряженно, и постоянно оттачивали на нем свое остроумие. А Панин даже надеялся, что в одно прекрасное утро Зубцов вдруг на шутку ответит шуткой. Но это утро все никак не наступало. Нет, не зря говорят: чему Ванечку не научили, тому Ивана никогда не обучишь.

Капитан заглянул к Семеновскому, но шеф был на выезде.

«Очень кстати, – подумал Панин, – может быть, в “Севере” что-нибудь новенькое узнаю. Тогда уже и докладывать не стыдно будет».

– Шеф на Охте, – сказал дежурный по управлению. – Убийство и ограбление квартиры...

– Что взяли?

– Коллекция охотничьих ружей. Тридцать штук.

– Бывают же такие коллекции! – подивился Панин и добавил: – Тридцать ружей не иголка! Какой-то малахольный позарился. Шеф его за сутки разыщет. Вот легкомысленный певец, любимец публики... – он не договорил. Подумал: «А вдруг он не такой уж и легкомысленный?»

Свои «жигули» Панин припарковал на Манежной площади. С сожалением посмотрел на пыльные, давно немытые бока автомашины. «Подзапустил я тебя, старушка. Потерпи. В воскресенье намою до блеска». Уже сколько раз он мысленно произносил эти слова. Одно воскресенье сменяло другое, а он все ездил на грязной машине. Раньше было проще: на одной из станций обслуживания у капитана был знакомый директор, сосед по лестничной площадке. Панина там знали все служащие станции, и стоило ему подъехать, как мойщик запускал его без очереди. А если кто-то из водителей начинал «качать права», мойщик говорил:

– Товарищи, оперативная милицейская машина. Можете у водителя проверить документы.

Но несколько месяцев назад «номер» с мойкой без очереди не прошел. Взъярившиеся автомобилисты потребовали директора и без особого труда доказали ему и так очевидную истину: милиционер на собственных «жигулях» такой же водитель, как и все остальные. А если машина у него оперативная, так пусть и моет ее в служебном гараже. Слова «демократия» и «бюрократия» звучали во время того скандала чаще всех остальных.

– Я тебе, Саша, лучше сам буду машину дома мыть, – сказал Панину директор. – И так живу, как на вулкане. Видишь, что творится: у каждого один права и никаких обязанностей.

– Какие вопросы?! – улыбнулся Панин. – Будем бороться с коррупцией и кумовством.

И вот с марта машина ни разу не мыта. «Все, конечно, правильно, – думал Панин. – В глобальных масштабах. Но как не хочется расставаться со своими пустяковыми привилегиями!»

С трудом протискиваясь сквозь плотные ряды ценителей нордовских пирожных и тортов, Панин издали увидел помрежа. Тот стоял в толпе на ступеньках. В руках у него были торт и букетик гвоздик. «Уж не меня ли ждут с цветами? – усмехнулся капитан. – Хуже будет, если к нам присоединится девушка. Не даст поговорить откровенно».

Помреж словно разгадал опасения Панина и, поздоровавшись, сказал:

– У жены день рождения. Пришел пораньше, постоял за тортом...

«Вот почему он пригласил меня в “Север”. Находчивый мальй», – подумал капитан и, показав на вход в кафе, предложил:

– Давайте зайдем. Я сегодня без обеда...

– Я тоже... Проглотил в магазине пару пирожных. В желудке от сладости тоскливо.

Помощник режиссера был совсем не молод, как показалось Панину в театре. В заблуждение вводила фигура, сухая и подтянутая, а мелкие морщинки, испещрившие лицо, и седину капитан не разглядел в полутемном зрительном зале.

Они с трудом отыскивали свободный столик.

– У вас общий заказ? – спросила официантка.

– Заказ общий, счета отдельные. – Панин подмигнул Курносову. – Пусть не думают, что мы друг друга обедами подкупаем, правда?

Курносов улыбнулся. Когда официантка ушла, он сказал:

– Есть у меня подозрение, что все услышанное вами сегодня в театре – вранье. Леня Орешников ушел от «Арлекинов» потому, что жена главрежа стала его любовницей...

Чего только не ожидал услышать капитан, но не это! Несколько минут они сидели молча. Панин переваривал новость, а Курносов посматривал на него с легкой улыбкой и, не скрывая, наслаждался произведенным эффектом. А потом сказал:

– Я почему-то считал, что сыщики умеют прятать свои чувства.

Панин даже никак не отреагировал на эту колкость, что случилось с ним редко. «Наверное, он очень не любит главного режиссера, – решил капитан. – А может быть, врет?» И спросил осторожно:

– Вы думаете, что Данилкина знает, где находится певец?

– Не играйте со мной в кошки-мышки, товарищ сыщик. Вы не хуже моего знаете, что Орешникова нет в живых!

– Да откуда я это знаю! – искренне возмутился Панин.

– У нас каждый день кто-нибудь пропадает, а через неделю находится. Посмотрите наши витрины – постоянно висят портреты таких людей!

– Почему бы вам не повесить и портрет Орешникова? А можно и старую афишу. Только сделайте надпечатку: «Разыскивается милицией».

Нет, этот желчный человек совсем не был похож на тихого мямлю помрежа, пугливо подсовывающего утром в театре капитану лист бумаги с указанием места встречи.

– У вас, Вилен Николаевич, плохие отношения с главным режиссером? – спросил Панин.

– Прекрасные! В нашем театре нет человека, у которого были бы плохие отношения с Данилкиным. Так же, как нет ни одного человека, который, уйдя из театра, сохранил бы с ним дружбу. А я... я просто его ненавижу.

Официантка принесла салат и блинчики.

– Не забудьте мороженое, – обратился к ней капитан.

– С вишневым вареньем. И кофе.

– Я мороженого не ем, – сказал Курносов.

Они молча принялись за салат. Капитан ел и думал о том, что, если сейчас выяснять отношения между помрежем и Данилкиным, вечера не хватит. Поэтому следует говорить только о самом существенном. Похоже, что эта встреча не последняя.

Помреж посмотрел на часы.

– Кофе и мороженое вам придется доедать в одиночестве. В шесть я должен быть в театре, а перед этим заехать домой. – Он показал глазами на торт и цветы.

– Я на машине. Подвезу, – предложил Панин.

– Я тоже на машине. Иначе мне было бы не выкроить времени на randevu с вами.

– Оставьте свой домашний телефон.

Курносов протянул капитану визитную карточку.

– Вилен Николаевич, откуда у вас такая уверенность, что Орешникова нет в живых?

– Мы с Леной были очень дружны. Он хороший парень. Правда. Вся эта его мишура, шумиха, обожательницы – реверансы перед молодежью. Он всегда хотел стать кумиром – и добился этого. А значит, принял их правила. Вы думаете, толпа молодежи в огромном зале

пляшет и скандирует, подчиняясь ритму своего кумира на сцене? Нет! Совсем наоборот! Это он принял их правила и следует заданным ими ритмам...

– А если ближе к делу? – перебил капитан.

– Откуда моя уверенность, – спросили вы. – Да ведь мы все живые люди. Общаемся, перезваниваемся, сплетничаем. Когда Леонид исчез с Дворцовой площади во время съемок, многие восхищались: «Вот парень! Умеет устраивать скандальную рекламу!» Гадали, где он спрятался. А сегодня друзья забеспокоились...

– У него есть близкие друзья?

Курносов посмотрел на капитана с укоризной.

– Татьяна Данилкина позвонила его маме в Лугу. Осторожно выяснила – Леня не приезжал. Звонила в Крым. В Мисхоре дача его приятеля Ветлова из Мариинки. Леонид иногда отдыхает там. Нету! Я позвонил двоюродному брату – тот оказался на гастролях. Есть у него еще одна девица...

Помреж так сказал «еще одна», что Панин понял: связь с Татьяной Данилкиной у певца продолжается.

– Я проверил – и у нее Лени не было.

– Стоп! – сказал капитан. – Не так быстро. Я запишу адреса...

– Будете проверять? Зря. Его нигде нет.

– Для верности, для верности... – пробормотал Панин, доставая свой потрепанный блокнот.

Он записал адреса матери, «еще одной девицы» Валентины Полонской, двоюродного брата. Спросил:

– А вернулся он с гастролей?

– Вернулся. Он ведь тоже поет. В джазе у Бантера. Владимир Бабкин. Бабкин это его псевдоним. Раньше был Орешниковым, но после того, как Леня пошел в гору, взял фамилию матери и стал Бабкиным. И правильно. Двух Орешниковых для одного Ленинграда многовато.

Панин записал телефон брата и наконец решился задать главный вопрос:

– Вилен Николаевич, вы думаете, Данилкин мог убить Леонида? Похитить со съемок?

– Мог. Похитить с киносъемки и утопить в Зимней канавке. Или зарыть где-нибудь.

– Но это же фантастика!

– А он такой человек! На грани фантастики. Думаете, ему легко жить с Татьяной, зная про ее отношения с Леонидом? Изо дня в день засыпать и просыпаться с ней в одной постели?

Александр поморщился. Не очень-то ему верилось в рисуемую помрежем картину.

– Что же он не разводится? Не прогонит ее?

– Вот уж тогда театр погибнет окончательно. После Лениного ухода мы выкарабкались благодаря Татьяне. Она прекрасная актриса. Редкий, по нашим временам, голос. А вы говорите «прогнать»!

– Надо же искать молодых, талантливых.

Курносов посмотрел на капитана, как на наивного деревенщину.

– Искать? Да он только и делает, что ищет. Но такие, как Леня, на дороге не валяются.

– Я прочитал заметку о вашем театре в «Смене». Странный театр.

– Странный. Эта журналистка молодец. Ухватила главное. Нельзя держать актеров на коротком поводке, играть в большую семью.

– Вам Орешников никогда не говорил, что его преследуют рэкетеры?

– Рэкетеры? Известного певца?! Разве такое возможно?

– А разве возможно, чтобы известного певца подстерегал с ножом за углом режиссер?

– Возможно, – упрямо сказал Курносов. – Только не с ножом, а с пистолетом.

– У него есть пистолет?

– Откуда я знаю!

– Толчем воду в ступе, – нахмурился капитан. – У вас нет конкретных фактов. Одни подозрения.

– У меня есть факты. Три года назад произошел такой случай... Леня еще только начинал выходить в «кумиры». Данилкину кто-то из театральных холуев дал наводку, где и в какое время Орешников встречается с Татьяной. Думаете, он побежал бить им морды? Ничуть не бывало! Леня всегда подъезжал на машине к садику на улице Блохина...

– У него есть машина? – спросил Панин, мысленно отпустив по своему адресу нелестный эпитет. «Как я мог не поинтересоваться есть ли и где сейчас находится?!»

– Была, – недовольный тем, что его перебили, Курносос смерил капитана сердитым взглядом. – Так вот! Наш главреж стукнул в ГАИ, что актер Орешников использует личный транспорт для получения наживы, возит за плату пассажиров. За ним и проследили. Улица Блохина рядом с театром. Только Орешников посадил Таньку в машину, его и застопорили. Ситуация – хоть вешайся. Сказать, что Татьяна его знакомая, недавняя коллега по театру, начнут проверять, придут в театр. Он и ответил на вопрос «кого возите?»: «Руку девушка подняла я и тормознул. Почему не подвезти красивую женщину, если по пути?» Татьяну отпустили, а Леонида помытарили...

– Откуда вы знаете, что в ГАИ позвонил Данилкин? Может быть, случайно? В тот год крепко по частной инициативе ударили.

– А потому, что через два дня Леню опять изловили. Он другую приятельницу подвозил.

– Да-а! – улыбнулся капитан. – Тяжелый случай. Вот что происходит, когда приятельниц много. И чем же дело закончилось?

– Гаишники на этот раз приличные попались. И музыкально образованные. Они Леню узнали и про наводку намекнули. «У вас, Леонид, сказали, серьезные недоброжелатели есть». Он и поостерегся – машину продал. Вот вам Данилкин!

– Да ведь мог и другой наводить!

– Мог, конечно, но здесь рука оскорбленного мужа чувствуется.

– А про рэкетиров Орешников, значит, не говорил? – спросил Панин. Он никак не хотел всерьез отнестись к рассказанной истории.

– Значит, не говорил. – Курносос поднялся. – Опаздываю. Придется поднажать.

– А как у вас с ГАИ? Хорошие отношения? – спросил капитан, тоже поднимаясь.

– Две дырки в талоне. Вы помочь можете?

– У самого скоро права отберут.

Помреж недоверчиво хмыкнул и пошел к выходу. Со спины он выглядел юношей. Панин проследил взглядом, как он садится в машину. Красные «жигули» пятой модели.

Мороженое на этот раз не доставило Панину удовольствия. Растаяло. Да и варенье оказалось не вишневое, а из алычи. С кислинкой.

## 7

Вернувшись на Литейный, капитан сразу же заглянул к шефу.

– А-а, меломан и книголюб! – с притворным радушием приветствовал его Семеновский. – И года не прошло, как вы ко мне заглянули.

– Я уже заходил, товарищ полковник. Вы были на выезде...

– Угу. Был на выезде. А вы? В библиотеке? Время идет, а, судя по тому, что вас не дозовешься, результатов ноль?

– Товарищ полковник...

– Мне уже проходу не дают с этим Орешниковым! Дважды из Москвы запрашивали. В конце концов, известный певец – не иголка в стоге сена!

Панин хотел сказать, что позавчера, поручая ему розыск Орешникова, шеф посмеивался по поводу декадентских замашек творческой интеллигенции, а сегодня запел по-другому, но промолчал. По опыту знал, что самый короткий путь к взаимопониманию с Семеновским – дать ему выговориться. Капитан стоял перед столом навытяжку, чуть наклонив вправо голову, словно провинившийся мальчишка. Он умел в нужных случаях изобразить раскаяние и готовность к немедленному действию.

– Чем ты занимался целый день? Ходил по библиотекам и кафе? Понимаю, что не ради чревоугодия... Что стоишь? Особое приглашение каждый раз требуется?

Панин сел, удивившись, что распеканция оказалась такой короткой.

– Где твоя хваленая оперативность? – продолжал шеф. – Такое впечатление, что все в отделе разучились работать...

«Поехали, с Богом! – внутренне улыбнулся Панин. – Теперь не остановишь».

Зубцов, встретившийся с ним в приемной, успел рассказать, что полковник за несколько часов сумел раскрутить дело с убийством на Охте. Убийца арестован, и все тридцать ружей из украденной коллекции находятся в НТО. С ними возятся дактилоскописты. Убийца ведь мог иметь сообщников.

Всякий раз после удачно проведенного розыска Семеновского словно подменяли. Нет, он никогда не кичился своим успехом, не приводил в пример свой опыт. Он начинал корить своих подчиненных за нерасторопность и отсутствие инициативы. Все это знали, посмеивались между собой над шефом, но не переставали его уважать. Он действительно умел работать так, как никто в угрозыске.

– Товарищ полковник, а как на Охте? – воспользовавшись паузой, спросил Панин.

– На Охте порядок. – Семеновский посмотрел на капитана с подозрением. – Ты будто не знаешь?

– Я еще утром сказал дежурному – тридцать ружей не шутка. Концы в воду трудно спрятать.

– Та-ак... – полковник постучал кончиками пальцев по столу. – Интересная мысль. Знаменитый певец, лицо которого известно каждому сосунку, может исчезнуть посреди бела дня прямо со съемок и – концы в воду. А тридцать ружей отыскать – это, по-твоему, семечки? Вот что, капитан, вы мне зубы не заговаривайте. – Переход на «вы» означал у шефа высшую степень неодобрения. – Хватит ходить по библиотекам. Похоже, что дело серьезное. Нужны идеи.

– Уже есть, товарищ полковник. Хорошую идею вы мне сейчас подали...

– Саша, – вдруг задушевно сказал Семеновский, – кончал бы ты... – Он запнулся, pokrutil головой. – Помягче слова никак подобрать не могу.

– Понял, Николай Николаевич, – улыбнулся Панин. – Я сообразительный.

– Вот-вот. Будь попроще. Скорее майором станешь. А теперь давай ближе к делу, и покороче.

Панин доложил шефу о своих поисках.

– Значит, насколько я понял, девица намекнула тебе о рэкетирах? – спросил полковник заинтересованно. Похоже, что подозрения помощника режиссера из «Театра Арлекинов» не произвели на него никакого впечатления.

– И ты, вместо того чтобы с ней сегодня утром встретиться, пошел в библиотеку!

«Далась ему эта библиотека!»

– Да... а... Ты большой мастер сыска.

– Товарищ полковник, в первой половине дня девица была на съемках. Она, кстати, директор картины. Мы договорились встретиться вечером.

– Не в кафе? – поинтересовался Семеновский.

– На студии.

– Ах на студии... А какой картины она директор? Той, что снимают об Орешникове?

- Нет. Просто директор картины. Такая должность, наверное.
- Ага. – Полковник помолчал немного, подчеркнуто внимательно разглядывая Панина, словно хотел удостовериться – тот ли Панин сидит перед ним, а потом спросил:
  - Ты не думаешь, что Орешникова сбила машина? Водитель испугался, труп увез и зарыл где-нибудь.
  - Думал я и об этом. Но ведь до Дворцовой площади проезд закрыт.
  - Машина могла ехать по Халтурина. А после наезда повернуть назад... Разрабатывай и эту версию. И попробуй найти того свидетеля, который видел велосипед.
  - Перво-наперво надо обшарить дно Зимней канавки.
  - Правильно, – согласился Семеновский. – Но после того, как поговоришь с директором картины. Или картин?

Панин пожал плечами и сказал:

- Хорошо бы помощника.
- Дима Сомов с тобой работает?
- У Димы своих дел невпроворот. Николай Николаевич, вы же сами перечислили все версии!..
- Ну вот, одного певучего оболтуса два сыщика будут разыскивать, – недовольно нахмурился полковник. – Где я людей возьму? Теперь еще сокращение придумали! Преступность растет, а оперативный состав мы будем сокращать! Что они нас тоже бюрократическим аппаратом считают? Как что-нибудь случится – в милицию: найдите, задержите, остановите! Певец пропал – срочно разыскать! У него международные гастроли! – Последние фразы Семеновский произнес, явно подражая какой-то женщине. Очень уморительно. Панин не выдержал, рассмеялся.

– Ладно, бери Митю-маленького, – выпустив пары, сдался полковник.

В управлении работали два Дмитрия. Оба старшие лейтенанты. И хотя Дмитрий Кузнецов имел вполне приличный рост – метр восемьдесят шесть, его прозвали Митей-маленьким. Потому что второй Митя, Дмитрий Сомов, только чуточку недотянул до двух метров. Не хватало каких-то шести сантиметров. Его, естественно, звали Митя-большой. Когда Панин поднялся, полковник сказал:

– А на Охте все просто оказалось. Убийца – обыкновенный маньяк. Даже на учете в психдиспансере состоит. Оружие он, видите ли, очень любит! Раззе можно таких выпускать из больницы? У нас ни в чем меры нет. То людей незаконно в психушках держим, то выпускаем всех подряд.

## 8

Митя-маленький, увидев входящего в комнату Панина, приветственно помахал ему видеокассетой.

- Что это? – спросил капитан.
- Сюрприз, – улыбнулся Кузнецов. – Я взял напрокат в видеосалоне запись концерта твоего героя. Кстати, кто мне заплатит трешник?
- Главбух.
- Тогда плакали мои денежки. А я думал, ты раскошелишься.
- Митя! – нетерпеливо сказал Панин и протянул руку за кассетой. – Ты же знаешь, за мной не пропадет.

– А какая красуля выдает там кассеты! Я ей вопрос: есть ли у вас записи с певцом Леонидом Орешниковым? – Старший лейтенант хитро посмотрел на Панина. – Хочу сделать приятное товарищу! Его Орешников сильно интересуется. И представь себе, выдает красуля мне эту штучку. – Он наконец отдал кассету капитану.

– Молодец, Дима! – улыбнулся Панин и посмотрел на кассету. Лохматый красавец Леонид Орешников, облаченный в белоснежный костюм чудовищно-ультрамоде покроя, приветствовал своих почитателей, воздев руки к небесам.

– Бери, бери, Саша. В НТО есть видеомагнитофон. Посмотришь концерт, получишь удовольствие. Я думаю, вопрос о трешке сам собой решится...

Митя-маленький был из тех людей, которых по крайней мере один раз в сутки следовало погладить по головке, похвалить. Человек настроения, он мог обидеться из-за невинной шутки, вспылить. А люди служили в Управлении уголовного розыска острые на язык, и в первый год работы Кузнецову приходилось туго. Он даже подавал заявление об уходе, но Семеновский не торопился заявление подписывать. Так совпало, что в это время Митя-маленький получил благодарность за участие в поимке банды поездных грабителей, и про заявление было забыто. Но, как шутили в управлении, приступы меланхолии на Кузнецова по временам накатывали.

– Вопрос о трешке решится... – подтвердил Панин, разглядывая портрет певца. Может быть, и правда следовало посмотреть видеозапись? Узнать, с каким оркестром он поет, кто его окружает на концертах. Если судить по тем зарубежным видеоклипам, с которыми был знаком капитан, звезд иногда показывают в кругу семьи, с друзьями. Иногда они дают короткие интервью. И вдруг капитана бросило в жар. А съемки на площади, которые не закончились из-за того, что пропал певец?! Режиссер Максимов ведь говорил Панину, что хотел снять третий, последний дубль заключительного проезда! А может быть, хорошо получился и первый? Да и все остальные съемки? Как же он оплошал! Прошел мимо такого материала! Эти кадры – живой Орешников за несколько минут до исчезновения. Его настроение, панорама площади... Мало ли какие неожиданности могут поджидать внимательного зрителя при просмотре пленки. Всей пленки, еще не смонтированной.

– Митя, ты заработал хороший обед в «Севере». Даже с бокалом шампанского...

– И с твоим любимым мороженым? – поинтересовался старший лейтенант. Он с удивлением наблюдал метаморфозы, происходившие с Паниным.

– И с мороженым! Только все ближайшие дни оно будет казаться мне горьким. Надо же, такой олух!

– Люблю самокритику, – не удержался Митя.

– А в чем загвоздка?

Капитан не принял шутки. Сказал раздраженно:

– Я сначала считал, что вся история с Орешниковым – блажь. Какой-то розыгрыш! А наше начальство просто решило подстраховаться. Ну а потом упустил, с чего все началось.

Пропал человек – с этого и началось...

– Со съемок все началось!

Капитан снял трубку, набрал номер Максимова. Долго никто не отзывался, но Панин упрямо ждал. Наконец трубка отозвалась приятным баритоном.

– Лев Андреевич, – без всяких предисловий начал капитан, – ваш фильм об Орешникове еще не готов?

– Нет. Мне его сдавать через месяц. А кто это спрашивает?

– Капитан Панин из уголовного розыска. Вы у меня просто камень с души сняли. Мне бы очень хотелось посмотреть весь отснятый материал.

– Пожалуйста. Пленка проявлена.

– Проезд по площади получился?

– Все получилось. Вполне прилично. – Голос у Максимова был довольный. – Как бы ни вели себя звезды, а фильмы надо сдавать худсовету.

– Когда можно посмотреть?

– Вы хотите посмотреть в монтажной или в зале?

– А какая разница? – Панин ни разу не бывал в монтажной, даже не представлял себе, как это все выглядит.

– В зале – на обычном экране, а в монтажной – на монтажном столе. Изображение маленькое.

– Нет, мне бы хотелось изображение покрупнее.

– Тогда приезжайте к восьми на студию. Я вас встречу. Годится?

– Спасибо. Еще как годится!

Когда капитан положил трубку, Митя-маленький сказал:

– Вот видишь, все уладилось.

– Уладилось! – буркнул Панин. – Разве в этом дело?

– А в чем же?

– Ну как я проворонил? Единственное утешение – пленку все равно только что проявили.

И первый дубль получился.

– Это очень важно? – спросил лейтенант.

– Орешников исчез во время съемки третьего дубля. А его, третий дубль, оказывается, можно было и не делать.

– Исчез бы в другое время.

– Ладно! – отмахнулся капитан. Ему не хотелось сейчас пускаться в объяснения. – Начальство решило отрядить вас, коллега, на поиски Орешникова. В помощь капитану Панину. Разумеете?

– Да ведь у меня дел непочатый край...

– Всех дел не переделаешь. А вернуть фанатам их кумира – значит восстановить спокойствие в городе.

– Надо так надо. Всегда рад помочь зашившемуся товарищу.

Панин укоризненно покачал головой. Сказал:

– Надеюсь, с твоей помощью разошьюсь. А для начала – поговори с одной дамочкой...

Он дал Сомову телефон Инны Печатниковой.

## 9

Любимым выражением у старшего лейтенанта Кузнецова было «Ну, сила!», и он немало удивился, когда в вестибюле телестудии к нему подошла пигалица, вся голова в мелких кудряшках, и, восхищенно пробормотав: «Ну, сила!», – поинтересовалась:

– Не из милиции?

Он сразу узнал ее по голосу.

– Так точно... – шутливо отрапортовал оперуполномоченный и, не удержавшись, добавил: – Какая кудрявая девочка! – хотя видел, что пигалице за тридцать. Ему почудилось, что фразу «Ну, сила!» женщина произнесла неслучайно – не иначе как Панин ее подговорил.

Несколько секунд пигалица соображала, как ей отнестись к столь оригинальному обращению. Заметив, что милиционер смутился, она усмехнулась:

– Ладно. Пристрелка закончилась. У вас есть ко мне вопросы?

– Да, Инна Ивановна. Я говорил вам по телефону.

– Тогда – за мной!

Она повела его по длинному коридору, покрытому обшарпанным линолеумом. Двери некоторых залов были открыты: кое-где молодые парни расставляли декорации. В одном зале знакомый диктор сидел за столиком, освещенный ярким светом юпитеров, торопливо перекадывал лежавшие перед ним бумаги. Двери других залов были закрыты, а на табло светлели надписи: «Тихо. Идет съемка».

Им пришлось сначала спуститься по лестнице, на которой курили сосредоточенные молодые люди и необыкновенно оживленные молодые женщины, потом пересечь неширокий двор и снова подняться по лестнице, также плотно оккупированной курильщиками. Печатникова шла быстро, не оглядываясь, нисколько, по-видимому, не беспокоясь, что Кузнецов может затеряться среди многочисленной армии дымящего контингента работников телевидения.

Наконец они вошли в небольшую комнату, в которой стояло четыре письменных стола. За одним из них сидел толстяк и что-то писал.

– Арюша, – обратилась к нему Печатникова, – ты не мог бы погулять полчаса? У меня важный разговор. – Рукой она показала Кузнецову на стул, приглашая сесть.

Мужчина поднял голову, глаза у него были большие и грустные.

– Могу, конечно. Пойду в буфет.

«Что же это за имя такое – Арюша? – подумал старший лейтенант. – Уменьшительное? Только от какого?» Ничего подходящего ему на память не пришло.

Как только Арюша исчез за дверью, пигалица сказала:

– Ну что же, спрашивайте. Сама напросилась. Вот уж ни сном ни духом не подозревала, что этот симпатичный милиционер на вечеринке занимается Леней Орешниковым.

С легкой усмешкой она рассматривала Кузнецова в упор, нахально: Он пришел туда специально, шпионить?

Лицо у пигалицы было некрасивое, остренькое, с мелкими чертами. А прическа а ля медуза Горгона просто-таки уродовала ее.

– Ай-ай-ай! – сказал Кузнецов. – Хорошего же вы мнения о нас!

– Хорошего. Парень тот клевый был. Я потому и разоткровенничалась с ним. Да ведь работа у вас такая...

– Что, работник милиции не может оказаться в гостях у актеров? Смешно рассуждаете. Режиссер Никонов школьный друг капитана. Да и Орешниковым не он занимается, а я.

– Очень убедительно! – сказала Печатникова. – Я же вам сразу сказала: ваш друг мне понравился. «Кудрявая девочка» готова ответить на все ваши вопросы.

«Вот жлобиха!» – мысленно ругнулся старший лейтенант.

– Вы не возражаете, если я запротоколирую ваши показания?

– Значит, допрос?

– Дознание.

– Пожалуйста! Рада буду вам помочь. Леня Орешников – мужик мировой. И певец от Господа Бога.

– Когда вы слышали его разговор с рэкетирами?

Она задумалась.

– Для вас ведь точность нужна?

– Хотелось бы.

– Мы снимали его концерт в «Юбилейном». Третьего и четвертого мая. Те мужики пришли четвертого. В последний день. Перед концертом. Леня сидел в гримерной, а я в соседней – за перегородкой – писала ведомость на зарплату. Я работаю директором на картинах. Куда-то вышла гримерша. Помню, что-то сказала – я не вслушивалась – и хлопнула дверью. Тут-то они и появились.

– Сколько их было?

– Наверное, двое. Я слышала – разговаривали двое. Леня заорал: «Что надо?! Не видите – занят!» Он мужик вспыльчивый. «А мы из тебя ремней нарежем», – сказал один. «Заткнись, Сурик! – одернул другой и спросил: – Там есть кто-нибудь?» Наверное, про комнату, где я сидела. Не знаю, что мне в голову взбрело, но я сползла к кресла под гримерный столик. Услышала только, как первый сказал: «Пусто». Он меня не заметил.

«Немудрено, – мысленно усмехнулся Кузнецов. – Такая пичуга».

– У меня так громко стучало сердце, что я не слышала начала разговора. Только фразу про десять процентов. А потом Леня опять как заорет: «Пошли вон!..» И такого матерка пустил! В это время в моей комнате телефон зазвонил – я и вылезла из-под стола. Служба. Те мужики слиняли. Я поговорила, трубку повесила, а Леня в дверях стоит. «Слышала, пигалица? – Это он меня так прозвал. – Вот подонки! Я все думал, что про рэкетиров сказки рассказывают. А они тут как тут! Явились не запыхались. Десять процентов им подавай, а то ремней из меня нарежут!»

Она замолчала.

– А дальше что?

– Он в этот вечер пел бесподобно. Наверное, думал, что они где-нибудь в зале. Назло им.

– Больше он вам ничего не рассказывал?

– Я спросила: «Леня, это опасно?» Он нахмурился и сказал: «Такие сволочи и ножом пырнуть могут». Вот и все.

– А что значит «Сурик»? Такое прозвище?

– Не знаю.

– А вы могли бы опознать голоса этих людей?

– Конечно! – не задумываясь ответила Печатникова. – У меня абсолютный слух.

«Что ж ты, пигалица, административной работой занимаешься?» – подумал оперуполномоченный.

Кузнецов быстро написал протокол, дал Печатниковой.

Пока она читала, лейтенант с любопытством рассматривал ее.

Если бы не лицо, ее можно было бы принять за девчонку. Даже скорее за мальчишку: под легким сиреневым платьем не видно было даже намека на грудь. Пигалица так пигалица.

– Складно, – подняв голову от бумаг, сказала она. – Надо подписать?

– Желательно.

Митя-маленький поднялся. Пигалица, как и при встрече, посмотрела на него с нескрываемым восхищением.

– Спасибо, – сказал Кузнецов. – Я вам очень благодарен.

– Не стоит благодарности, милое дитя! – Инна Ивановна протянула ему руку. – Найдете выход?

## 10

Капитан чувствовал, как в нем постепенно копится раздражение. История с певцом не поддавалась объяснению. Она могла быть и до смешного простой, если Орешников, большой любитель розыгрышей, решил подшутить над режиссером и сейчас преспокойно загорает где-то на Финском заливе. А может быть, и на юге. Но могла произойти и трагедия: наезд, расправа. Панин никак не мог определить свое личное отношение к этой истории. И это обстоятельство мешало ему вести розыск. Можно ли всерьез отнестись к тому, что сказал Курносов о главном режиссере «Театра Арлекинов»? Начни круто разбираться с Данилкиным, отказывающимся отвечать на вопросы, выскажи ему свои подозрения, а певец тут как тут. Живой и невредимый. Да еще загорелый. Как он, капитан Панин, будет тогда выглядеть?!

Всплывали все новые и новые подробности. Требовали детальной проверки. Вот хотя бы эта кличка «Сурик», о которой рассказала сегодня Печатникова Мите-маленькому. Если так назвали певца, значит, новоявленные рэкетеры с ним когда-то были знакомы. Может, учились в школе или в институте. Но, скорее всего, Печатникова с испугу не все расслышала, и слова «заткнись, Сурик» были адресованы сообщнику. Тогда есть ниточка к рэкетирам. Прозвище не из самых распространенных. Кличка «Сурик» могла происходить и от фамилии Суриков, и от цвета волос. Но к Орешникову это не относилось. Он был шатеном.

Когда Панин записал на листочке откидного календаря имена людей, с которыми предстояло срочно повстречаться, настроение у него окончательно испортилось. Список получился большой. А сегодня к восьми ему предстояло ехать в телецентр смотреть с режиссером Максимовым отснятый материал.

У входа в просмотровый зал толпились люди. Панин понял, что сотрудники телецентра каким-то образом узнали о просмотре. И не ошибся.

– Ну что за контора! – тихо сказал Лев Андреевич. – Всем всегда все известно. – И, скрестив руки на груди, остановился перед собравшимися: – Милые вы мои, у нас сегодня никакого просмотра нет. Товарищ из милиции должен по службе, – он сделал упор на слове «службе», – посмотреть несколько кадров. Только и всего.

– И мы хотим по службе! – капризно сказала затянутая в кожу длинная девица.

– Несколько кадров! – в тон ей пропел кто-то из парней.

Все рассмеялись и стали расходиться. «Кожаная» девица спросила:

– Левушка, а зачем тогда приволокли весь отснятый материал?

Спрашивая, она с головы до ног осмотрела капитана.

– Лена, кончай дурачиться! – недовольно сказал режиссер. – Я же не знаю, какие кадры потребуются.

Девица вздохнула и, одарив Панина улыбкой, удалилась.

«Крутая женщина», – внутренне усмехнулся капитан.

– Ленка наша любит повыставляться, – сказал Максимов с доброй улыбкой. – Но работник прекрасный. Она у меня на двух картинах помрежем была.

В небольшом уютном зале у пульта сидела бледная женщина лет тридцати пяти – сорока.

– Наша лучшая монтажница Светлана Яковлевна, – представил ее Максимов.

Светлана Яковлевна сдержанно кивнула. Лицо у нее было усталое, глаза смотрели безучастно.

– С чего начнем, Лева?

Режиссер посмотрел на капитана.

– У меня просьба одна – посмотреть все, что отсняли. А с чего начинать – решайте сами.

– Часа на три работенка, – сказала монтажница и вздохнула.

– Не вздыхай, мать, – успокоил ее Максимов. – Через час прервемся, сходим кофейку попить.

– Останемся без зала. – Светлана Яковлевна сняла трубку телефона: – Начинаем, Рома. С первой бобины.

В зале погас свет.

Смотреть кадры несмонтированного фильма оказалось занятием утомительным. Бесконечные дубли навевали скуку, и Панин усилием воли заставлял себя внимательно следить за экраном. Кадры были однообразными, и оживляли их только живописная фигура Орешникова, его молодое улыбающееся лицо.

«А как же теперь озвучивать? – подумал Панин. – Если вдруг?..»

Он спросил об этом у режиссера.

– Фонограмма уже готова, и я надеюсь, что Леня все-таки появится, – ответил Максимов. – Ну не убили же его, в конце концов, рядом со съемочной площадкой! Да он бы крикнул в случае опасности.

– Могла сбить машина.

– Какая машина, Александр Сергеевич? Пустынная площадь, никакого транспорта. Да он же у всей съемочной группы на виду был!

– Но за угол дома заехал!

В это время на экране появилась парочка молодых людей, случайно забредших на съемки. Шли они, правда, не с улицы Халтурина, а из скверика перед Зимним дворцом, но капитан решил, что этих людей стоит разыскать и расспросить.

– Светлана Яковлевна, нельзя ли отпечатать несколько кадров с этой молодежью? – попросил он.

– Хорошо, – отозвалась монтажница. И добавила: – Если бы мы работали на монтажном столе, можно было сразу настричь нужных вам кадров.

– Вы не забудете? – забеспокоился Панин.

– Не волнуйтесь, – успокоил Максимов. – Слишком хорошая память – единственный недостаток у Светика. – А потом сказал: – Если Леня в ближайшее время не объявится, придется брать и старые фонограммы. Все песни в картине, кроме одной, старые.

– Эта одна стоит всех остальных, – подала голос монтажница.

– Правильно, Светик, правильно. – Максимов вздохнул. – Песенка эта – Ленкина версия. У него дома, уверен, есть ее запись. Вот ведь проклятье, не заставь я его этот третий дубль с проездом сделать, все бы обошлось! Первые два дубля он не заезжал за угол. Остановился на углу Халтурина, разворачивался и ехал на оператора.

Панин попросил отпечатать ему кадры, в которые попала поливальная машина. Поливалка, правда, не выезжала с площади, но разворачивалась так, что шофер мог видеть, что происходит на улице Халтурина. И еще одна деталь заинтересовала капитана: с улицы Халтурина выехал красный «жигуленок».

– Лев Андреевич, вы не обратили внимания на эту автомашину? – спросил он режиссера.

– Нет, я ее даже не заметил.

– Может быть, увеличив, удастся различить номер? Светлана Яковлевна, и этот кадр не забудьте тоже отдать напечатать.

– Может быть, прервемся минут на пятнадцать? – попросила монтажница. – Мне надо бы позвонить домой.

– Не возражаете, Александр Сергеевич? Мы с вами пока кофейку попьем, – сказал Максимов.

– А зал не займут? – встревожился Панин, вспомнив слова монтажницы перед началом просмотра.

– Я попрошу Рому постеречь, – успокоила Светлана Яковлевна.

Панин с режиссером, спустившись на этаж, зашли в кафе. Здесь было многолюдно и шумно. Максимов приветственно помахал буфетчице и показал два пальца. Через пять минут две чашки черного уже стояли на их столе.

– Ай-ай-ай! А как же принцип социальной справедливости? – усмехнулся Панин. – Строгие телекомментаторы каждый день напоминают нам с экрана, как стыдно этот принцип нарушать.

– Стыдно, стыдно. Но мы же с вами торопимся? И не ради своего удовольствия. Да и принцип социальной справедливости не заключается ведь в том, чтобы все стояли в очереди? Вот, например, Орешников, наша суперзвезда. Смешно было бы заставлять его всюду стоять в очередях – в буфете, в магазине, в железнодорожной кассе. У него бы не осталось времени на репетиции, на концерты и съемки. И кто бы от этого остался внакладе?

Панину послышались в словах Максимова нотки сарказма, и он спросил:

– Лев Андреевич, а что вы можете сказать об Орешникове?

Максимов вынул из нагрудного кармана рубашки пачку «Беломор-канала», закурил.

– Александр Сергеевич! Вы не подозреваете, какой трудный вопрос мне задали!

Заметив на лице Панина удивление, режиссер повторил:

– Очень трудный!

– Такой уж сложный человек Орешников? В свои двадцать шесть?

– Нет. Человек он как раз простой. Открытый... Добрый, в общем-то. Это у меня отношение к нему сложное. Леня – певец от Бога. Вы и сами знаете. А вот характер у него... Нет, не занозистый. Это было бы не совсем точно. Знаете, есть одно не совсем приличное слово... Сейчас в интеллигентской – подчеркиваю, в интеллигентской, а не в интеллигентной – среде стало хорошим тоном употреблять плохие слова.

– Говнистый, что ли? – усмехнулся капитан, выслушав длинную преамбулу к короткому словечку.

– Горячо. Почти угадали. С Леной Орешниковым трудно. Всем трудно. Я не себя имею в виду.

– Интересно?

– Мне – неинтересно. К его бы голосу да побольше такта и скромности! Видите, сколько я вам наговорил? Вернемся в зал?

Еще час просмотра отснятой пленки ничего не дал. Капитану больше ни разу не пришлось обращать внимание Светланы Яковлевны на заинтересовавшие его кадры.

– Не велик улов? – спросил Максимов, когда в зале зажгли свет.

– Кое-что может пригодиться. – Панин хотел спросить, когда можно получить отпечатки кадров, но монтажница его опередила:

– Завтра во второй половине дня я вам все приготовлю, – сказала она. – А сегодня не могу больше задерживаться. Как только все будет готово, могу позвонить.

Панин поблагодарил, продиктовал свой телефон.

Едва закрылась дверь за монтажницей, в зал влетел запыхавшийся толстяк. Не обратив внимания на капитана, толстяк накинулся на режиссера:

– Левушка! Ты почему взялся без меня материал просматривать?! Позвонить не мог? К чему такая спешка? Кумира-то все равно нет?

Он продолжал бы и дальше наседать на Максимова, но тот показал рукой на Панина:

– Остынь и познакомься: Александр Сергеевич Панин, с Литейного, четыре.

Толстяк виновато улыбнулся и протянул Панину пухлую руку:

– Николай Мартынов, оператор. Извините. Лев Андреевич у нас мэтр, не всегда до своих коллег снисходит. – Отсюда – конфликты местного значения. И больше всех пикируюсь с ним я. И поэтому чаще других мирюсь. А что, собственно, произошло?

– Ты же знаешь, – пропал Леня Орешников, и Александр Сергеевич его ищет. Изъявил желание посмотреть блестяще отснятый тобой материал.

– Левушка, ты даешь! Позвонил бы мне!

– На звонки к тебе я трачу большую часть суток. Вчера последний раз я набрал твой номер в два часа ночи.

– Извини! Был в отъезде. Но сегодня-то?

– Без десяти восемь тебя еще не было, а ровно в восемь мы начали смотреть.

Мартынов промолчал. Никаких аргументов у него не нашлось.

– Несколько кадров Александр Сергеевич отобрал. Светка завтра утром попросит отпечатать.

– А сегодня она заленилась? – удивился толстяк.

– Ты посмотри на часы? Могут быть у незамужней женщины срочные дела?

– То-то она меня в коридоре чуть с ног не сбילה, – пожаловался толстяк.

– Николай, – обратился к нему капитан, – у вас нет обыкновения в свободные минуты снимать актеров на съемочной площадке? Мне приходилось видеть такие репортажи по телевидению. Режиссер дает последние указания своему помощнику, гример делает последний штрих на лице героини. Так сказать, быт съемочной группы.

– Нет, такие кадры я не снимал. А других операторов к нам на площадку пока не присылают. Наш Лев Андреевич хотя и корифей, но не лауреат. О нем и о его съемочной группе

документалок не делают. А вам хотелось бы увидеть обстановку перед исчезновением Орешникова? – высказал он предположение.

– Что-то вроде того.

– Нет, никаких лишних кадров у меня в запасе нет. Только то, что заставляет снимать этот узурпатор. – Он показал на Максимова. И вдруг неожиданно громко воскликнул: – Стойте, ребята! Кажется, несколько «посторонних» кадров есть! Точно! На новой бобине! Я приготовился снимать третий дубль. Ленка все не появлялся. Лев нервничал. Обстановка накалялась. И вдруг из-за угла появилась фигура. Я нажал на пуск. А через секунду застопорил. Увидел, что идет какой-то чужой тип с портфелем.

– Ты снял того человека? – удивился Максимов.

– Того не того... Да еще и снял ли? Надо пленку разыскать. Она у нас числится как чистая.

– Коленька! – воскликнул Панин. Этот энергичный добродушный толстяк вызывал симпатию, и капитан даже не удосужился узнать его отчества. – Коленька, вы меня очень выручите, если отыщете эту, как ее?..

– Бобину?

– Бобину, на которой человек с портфелем!

– Отыщу, – пообещал Мартынов. – Утром пораньше встану и приду на студию...

Максимов хмыкнул.

– Лева, не выставляй товарища в дурном свете! – Оператор повернулся к Панину: – Александр Сергеевич! Можете не беспокоиться – завтра утром кадры будут проявлены и отданы Светлане! Хоп?

– Хоп! – отозвался капитан.

## 11

Панину приснился сон: он идет по Невскому в шумной и пестрой толпе. В руках у него папка с листками совершенно секретного дела. Что за дело – капитан и сам еще не знает. Не читал. И вот на углу Литейного порыв ветра вырывает у него из рук папку, несет ее по трамвайным путям на середину Невского. Папка раскрывается, и белая стая листков вспенивается над перекрестком. Напрасно кидается Панин под колеса автомобилей, пытаясь собрать листки. Минута – и они расхватаны, унесены толпой.

Проснувшись, он долго не мог избавиться от гнетущего чувства безысходности, испытанного во сне.

«Тут впору “чур меня!” закричать, – подумал капитан. – Что-нибудь такой сон да значит. Теперь психологи проснулись – сны толковать стали, и Фрейда больше не костерят».

Душ и чашка кофе чуть приглушили мрачное чувство, вызванное приснившимся кошмаром и необходимостью рано встать. А для того чтобы и вовсе развеять ночное наваждение, Панин позволил себе прокатиться по городу с ветерком. Сколько раз он давал себе обещание ездить не спеша, «в потоке», как наставлял его полковник Семеновский. Но лишь только садился за руль, как тут же забывал все свои зарок. В нем сидело неистребимое мальчишеское чувство – Панин не мог видеть впереди себя машину и не попытаться обогнать ее.

Весь июнь в городе стояла прекрасная солнечная погода – ни одного дождя. А в это раннее утра с залива напоззли низкие серые облака и, как проклятые, застряли над городом. Мелкий сеющий дождь стал набирать силу. Панин и приглашенные им на помощь сотрудники речной милиции были одеты в легкие рубашки. И катер у речников, как назло, был открытый, без каюты. Даже без брезента. Пришлось цеплять катер к большому железному кольцу, вделанному в гранит набережной, и укрываться в машине. А машина была единственная – «жигули» капитана.

– Начальник ГАИ все грозит права у меня отобрать, – сказал Панин, когда они впятером расселись в машине.

– А где бы мы тогда от дождя прятались, хотел бы я его спросить?

– За что это он тебя невзлюбил? – поинтересовался старший лейтенант Сеницын, крупный мужчина с темным, обветренным лицом.

– За быструю езду. Как будто я на свидания к девушкам гоняю.

– Да-а... – с какой-то странной интонацией сказал старший лейтенант. – Времена теперь пошли крутые. Придется тебе в повороты вписываться. Мы вот раньше тоже много чего могли... – он недоговорил, и Панин не понял – осуждает или одобряет речник новые порядки.

– А служебная машина вам, товарищ капитан, разве не положена? – спросил совсем молоденький милиционер. Все засмеялись, а он сказал с недоумением: – Нет, правда! Если на задержание, в погоню. Мы так всегда на плавуемся.

– Так вы по воде бегать-то не умеете? – улыбнулся каштан. – А мы по асфальту – без всякого напряжения.

Он балагурил с речниками, а сам все время оглядывал пустынную улицу – все надеялся, не появится ли гражданин с толстым портфелем. Капитан и время это выбрал неспроста – около шести Максимов вел съемки на площади и разговаривал с этим гражданином в ожидании Леонида Орешникова. А может быть, в тот раз гражданин встал очень рано, чтобы отправиться на аэродром или на поезд? И сейчас в отъезде? Каких только вариантов не возникало в голове Панина. Смущали только слова режиссера: «У меня сложилось впечатление, что мужчина этот шел, как всегда, к себе на службу».

«В такую рань?» – усомнился Панин. Но Максимов только развел руками.

Дождь все сеял и сеял. Монотонно шелестел по крыше, навевая унылые мысли. И ни одного просвета на небе. Эти дожди метеорологи называют обложными.

– Может быть, начнем? – Панину не хотелось отступаться.

– Экипировка не та.

– Да что вы, ребята, на воде служите и воды испугались? – подзадорил капитан. – Мне бы одного человека за руль катера, я и сам управлюсь.

– Разогнался, – сказал Сеницын. – С «кошкой» работать – навык нужен.

– Я вам помогу! – вызвался молоденький милиционер. Тот, что спрашивал про служебную машину. – Не возражаете? – обратился он к Сеницыну.

– Тебе мокнуть, – проворчал старший лейтенант и неожиданно решился: – А... Была не была! Если по стакану нам от простуды поставишь – продрогнем на дождичке.

– По стакану морковного сока, – сказал Панин и вспомнил про заветную бутылку в багажнике. Он всегда возил ее с собой на тот случай, если машина сломается где-нибудь за городом. Никакими червонцами и четвертными нельзя соблазнить местного умельца, но если намекнуть на бутылку – успех обеспечен. Да это и понятно: деньги у хорошего мастера никогда не переводятся, тратить их не на что, а вот в поисках водки можно потерять целый день.

– Ладно, ребята. – Панин открыл дверцу и съезился, приготовившись выскочить на дождь. – Если очень озябнете, водочный компресс обеспечен. НЗ в багажнике.

Часа два они тралили большой «кошкой» дно Зимней канавки. Какого только барахла не повтыгивали на поверхность: старые ведра, металлические проволочные ящики, в которых везут бутылки с молоком, газовую плиту.

– Вот сволочи! – ворчал Сеницын. – Под стенами Эрмитажа такое свинство развели. Здесь ведь, наверное, интеллигентные люди живут. И все про экологию пишут. В глобальных масштабах. А у себя под носом гадят.

Несмотря на дождь и раннее время, у парапета собралось десятка полтора зевак. «Наверное, решили, что ищем утопленника, – подумал капитан. – А ведь чем черт не шутит...»

В это время «кошка» опять зацепилась за что-то тяжелое.

– Помогай! – крикнул Панин старшему лейтенанту. Они подналегли, и через минуту из воды показалось колесо, а потом и весь велосипед. В толпе на набережной пронесся глухой возглас: «О-о!»

– Осторожней, ребята! – попросил Панин милиционеров, приготовившихся поднять велосипед на борт. Они бережно подхватили его за руль и поставили на катер. «Даже шины не спустили, – отметил Панин. – Интересно, чья это машина? Студийная или самого Орешникова?»

– А человека вы, что же, искать не будете? – спросил мужчина в плаще и с большим зонтом.

– Вы уверены, что вместе с велосипедом утонул и человек? – Панин, стараясь скрыть раздражение, обернулся к спрашивающему. «Мало тебе зонта, так еще и плащ надел». Самого капитана уже начинало трясти от холода, а рука, писавшая протокол, плохо слушалась.

– Не ради же велосипеда вы тут мокли столько времени?

Панин поинтересовался:

– Товарищи, из вас никто не живет в соседних домах? Никто не знает, как попал велосипед в Зимнюю канавку?

Люди переглядывались, пожимали плечами.

– Да мы просто прохожие, – сказала наконец одна из женщин, приглашенных в понятие. – Знаете, как бывает – остановился один, что-то интересное увидел. Другой обязательно полюбопытствует...

Подошел Синицын.

– Ну, мы отправились сушиться.

– Подожди минутку, – попросил Панин. – Я вам сейчас лекарство выдам.

– Да ты что, капитан! Шуток не понимаешь? Я просто хотел проверить, что за люди в УГРО работают. Не жадные ли?

– Ну и шуточки! Раз уж ты такой умный, позвони дежурному на Литейный, пусть срочно пришлют «раф». Не ехать же мне на этом велосипеде по городу, а в «жигули» он не поместится.

Синицын кивнул:

– Выбирайся к нам. На рыбалку отвезу...

Когда пришел «рафик», Панин отправил на Литейный велосипед, а сам поехал домой – переодеться.

Александрю нравилось место, где стоял его дом – Потемкинская улица. Окна выходили прямо на Таврический сад. Нравился и сам дом, построенный в начале века. По тем временам – заурядный пятиэтажный доходный дом. А нынче он выглядел чуть ли не дворцом. Еще бы! Красивые эркеры, лепнина по фасаду в виде виноградных гроздьев, перевитых листьями. И даже две грудастые дамы, поддерживающие козырек над парадным входом. Панин жил с подспудной тревогой в душе, – как бы после капитального ремонта, который откладывался с года на год уже две пятилетки, отремонтированный дом не прихватило бы себе какое-нибудь ведомство. Или городское начальство не положило бы на него глаз, прельстившись удобным расположением и близостью Смольного.

Около парадного входа толпились люди с зонтами, стоял мрачноватый автобус. Панин вспомнил, что сегодня похороны одного из жильцов дома – музыканта из оркестра Малого театра. Капитан не знал его фамилии, лишь изредка сталкивался с ним на лестнице, узнавая по черному потертому футляру в руках. Музыкант играл на трубе. Сколько помнил себя Панин, он всегда слышал голос трубы в доме. В детстве чаще, потому что артист играл только днем. Утром он уходил на репетиции в театр, вечером был занят в спектаклях. Его репетиции всегда являлись притчей во языцех – то один, то другой из жильцов писали на музыканта жалобы в домоуправление. На что только не ссылались жалобщики: на новорожденных, на горящие диссертации, на болеющих родственников. Новорожденные подрастали, диссертации, как пра-

вило, защищались, родственники выздоравливали или умирали, и на некоторое время в доме устанавливался мир. Но вот появлялся новый ребенок или подрастал очередной диссертант, и все начиналось сначала...

Когда Панин повзрослел и научился разбираться в людях, он обратил внимание на то, что музыкант, выходя из своей квартиры на пятом этаже, старается быть как можно незаметнее, а черный футляр с трубой держит так, чтобы он не бросался к глаза. Столкнувшись с жильцами на лестнице, музыкант всегда вежливо раскланивался. Даже с подростками он здоровался первым.

Панин любил одинокий и чистый звук трубы. То печальный, то радостный. И в печальной и в радостной мелодиях трубы не было ничего земного. Какая-то высокая, светлая отрешенность, пробирающая до слез. Особенное чувство испытывал Александр, вслушиваясь в звуки трубы, когда болел. Лежал в тихой квартире один, обескураженный тем, что выпал вдруг из привычного ритма жизни, и пытался запомнить мелодии, которые играл артист, но почти никогда не запоминал. Природа не одарила Панина музыкальным слухом.

Однажды в управлении, листая Библию, изъятую у фарцовщика, Панин наткнулся на слова: «И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?»

И вот артист умер. Панин впервые узнал его фамилию, прочитав некролог в «Ленинградской правде». Никто теперь не будет мешать спать новорожденным и писать диссертации будущим ученым. Но дом осиротел. Притих. Не на кого стало сетовать: вот, дескать, все у нас хорошо: и потолки четыре с половиной метра, и венецианские окна, и Таврический сад, но захочется иногда отдохнуть днем, а он трубит. Он, конечно, народный артист, трубит здорово, но сами понимаете... Не то жалоба, не то некая похвальба – вот какие люди у нас живут! Теперь же дом стал рядовым. Просто хорошим домом.

Панин постоял, пока из парадной вынесли гроб, поклонился вдове артиста, но она даже не заметила его. Застывший взгляд ее был устремлен в себя.

«Да, потерять такого человека...» – подумал капитан. Он никогда не задумывался над тем, каким был умерший. Априори он считал его человеком хорошим. Это чувство у Панина сохранилось с детства – плохой человек не может извлекать из своей трубы такие чистые звуки.

«А что за человек Орешников? – подумал Панин. – Он ведь тоже, когда не потрафляет толпе, может извлекать из своей души прекрасные звуки?» И тут же он подумал еще об одном актере – Данилкине. Но Данилкина он никогда не видел на сцене. А разговор с ним оставил неприятный осадок.

«От арлекина можно всего ожидать, – проворчал капитан, неторопливо поднимаясь по широкой удобной лестнице, но тут же поморщился, уличив себя в несправедливости. – Что я о нем знаю! Мало ли кто кому несимпатичен! Вот только как мне его заставить заговорить? Вызвать на Литейный? А он опять не пойдет на контакт». Панин был уверен, что режиссер не придет на очередной вызов, как не пришел и вчера. Найдет отговорку, заболеет.

Было во всем этом деле некое неудобство – отсутствие самого Леонида Орешникова. Живого или мертвого. И велосипед в Зимней канавке еще ни о чем не говорил. Его и сам «кумир» мог туда отправить.

Капитан принял горячий душ, растерся махровым полотенцем до такого состояния, что кожу начало жечь. Надев халат, пошел на кухню, приготовил яичницу, с удовольствием съел. «Сейчас заварю крепкого кофейку, – подумал он, – и минут на десять расслаблюсь. Имею право, товарищ полковник, – мысленно обратился Панин к Семеновскому. – Когда я сегодня встал? Вот то-то же!» От приятных мыслей его отвлек телефонный звонок. Митя-маленький на удивление быстро добился от НТО результатов по исследованию велосипеда. Результаты, к сожалению, были не бог весть какими: механических повреждений и следов наезда эксперты на велосипеде не обнаружили. «Пальчиков» было много, но «знакомых» не оказалось.

– А чей велосипед, ты, Дима, выяснил? – спросил Панин.

– Орешникова. Он, оказывается, заядлый велосипедист. Каждое утро вместо бега трусцой гоняет по Петроградской.

«Вот и Митя не верит, что певца нет в живых, – подумал капитан. – Иначе сказал бы не “гоняет”, а “гонял”».

– А тебя тут дама ожидает, – сказал Кузнецов – Назначаешь свидания, а сам опаздываешь.

– Данилкина?

– Ага.

Панин посмотрел на часы. Девять тридцать. А пригласил он актрису на десять.

– Сейчас буду, – сказал капитан. – Извинись и займи ее светским разговором.

Он повесил трубку и торопливо приготовил кофе. Сварил его очень крепким и с удовольствием выпил. В доме было необычно тихо. Даже с улицы не слышно было шума машин – только ровный ненавязчивый шелест дождя. Панин снова вспомнил о трубаче.

## 12

Разговор с Курносовым оставил у капитана неприятный осадок. Что-то в этом молодом человеке, в его сочувствующем тоне было ему не по душе. Казалось бы, Вилен Николаевич ничего не скрывал. Ни своей неприязни к режиссеру Данилкину, ни сочувствия к Лене Орешникову. Но это сочувствие не помешало ему, как бы невзначай, добавить к портрету певца черной краски. Взять хотя бы упоминание о том, что Орешников, отбив у режиссера жену, не оставлял без внимания и других женщин. Но самое удручающее впечатление на капитана произвела удивительная метаморфоза, случившаяся с Курносовым. Косноязычный мямля в театре, он выглядел в кафе самоуверенным и привычным златоустом! А какая ирония! Это было что-то новое! Куда чаще случается наоборот – люди чувствуют себя уверенней в своей родной стихии.

Панин ставил под сомнение все, что рассказал ему Курносов. Все – кроме отношений, сложившихся в треугольнике Данилкин – его жена – Орешников. А это было главное и косвенно подтверждалось тем, как повел себя Данилкин. Теперь-то капитану стало понятно фронтдерство режиссера, его нежелание говорить о певце, внезапное исчезновение из театра Данилкиной. Решимости вызвать Данилкина в управление, теперь уже с помощью повестки, у Панина поубавилось. А намеки помрежа на причастность режиссера к исчезновению Орешникова выглядели неправдоподобно. Александр невольно вспоминал, как отреагировал шеф на его сообщение о том, что помреж подозревает оскорбленного мужа: Семеновский даже не считал нужным прокомментировать эту версию. Но оставался вопрос – зачем понадобилось Курносову бросать тень на руководителя театра? Зависть, обида? Или свой, острый расчет? Чтобы во всем этом разобраться, требовалось время. Но времени у Панина не было совсем. В конце концов, история с ГАИ поддавалась проверке. Но капитан мог голову дать на отсечение, что никто не писал туда никаких писем. В крайнем случае кто-то позвонил, дал наводку. Кто-то, но только не Данилкин. Как бы ни был главный режиссер несимпатичен Панину, он все-таки не производил впечатления человека мелочного.

А Татьяну Данилкину он решил пригласить, хотя и не предполагал, что она тотчас откликнется на его приглашение. Но вторую повестку ей посылать не пришлось.

Он ожидал увидеть женщину необыкновенную. А перед ним сидела худенькая блондинка с длинными прямыми волосами, усталым, бледным – может быть, из-за отсутствия косметики – лицом. Крутой лоб в мелких морщинках, голубые настороженные глаза. «Ужель та самая Татьяна?» – нечаянно всплыла в памяти капитана строка.

– Татьяна Васильевна, тема нашего разговора – Леонид Орешников. У вас нет никаких предположений, где он может сейчас находиться?

Данилкина опустила голову, и Панин заметил, как мелко-мелко задрожали ее губы. Через секунду женщина выпрямилась и внимательно посмотрела капитану в глаза, словно хотела убедиться, что он не скрывает от нее ничего ужасного.

– Я не знаю, что думать! Наш помреж считает, что Леонида убили. А муж говорит: ерунда!

Посылая с нарочным повестку Данилкиной, капитан решил не задавать ей вопросов об отношениях с мужем. Но она сама, по-видимому, не считала нужным что-то скрывать.

– А что думаете вы?

– У меня такое ощущение, что Леня жив.

– У вас есть предположения, где он может находиться?

– Нет никаких предположений! С ним что-то случилось, но он жив. Правда!

«Начинается фантастика», – подумал Панин, – сейчас это очень модно».

– Татьяна Васильевна, Орешников не говорил вам, что собирается куда-то ухать?

– Вы знаете про наши отношения? – она даже не спросила, а просто констатировала факт. – Ну, конечно. Столько добродетей вокруг. Но есть и хорошие люди. Вы не обижайтесь на Тамару...

Панин почувствовал, что лицо его предательски наливается теплом.

– То, что произошло позавчера у Ватагиных, недоразумение. Во всем виновата я. Тамара хорошая женщина. Правда. И она очень переживает. Так уж получилось. Я пришла к Ватагиным после спектакля. В двенадцать. Елена Викторовна сразу увела меня на кухню. Шепнула, что один гость из милиции. Кажется, занимается розыском Лени.

«Ну и ну! Провели как дешевого пижона!» – расстроился капитан.

– Вы не думайте о Тамаре плохо. Она очень хочет вас увидеть, но боится. Правда!

– Ладно. Что было, то было, – стараясь не выдавать своего замешательства, сказал Панин. – Вы не ответили на мой вопрос. Помните, о чем я спросил?

– Помню. Леня никуда уезжать не собирался. Ни на один день. Я бы об этом знала.

– Расскажите о его друзьях. Как он проводил свободное время?

– Друзей у него нет. И свободного времени тоже. – Данилкина слегка повела плечами. – Правда. – Она добавляла это слово, как будто боялась, что ей не поверят. И произносила она его с такой обезоруживающей искренностью, что не поверить и правда было нельзя.

– Когда он начинал – друзей было много. Из тех, с кем учился в консерватории. И школьные друзья. Я знаю, что вы были в театре. Про Леню там могли сказать плохо. Но вы не верьте. Правда! Его у нас очень любили. Почему вы молчите?

– Я вас внимательно слушаю. – Панин улыбнулся и чуть не добавил: «Правда».

Когда Татьяна Васильевна стала говорить об Орешникове, лицо ее преобразилось. Куда только подевались усталость и бледность. В глазах исчезла настороженность – словно льдинки растаяли.

– У Лени были настоящие друзья. А не просто товарищи. Он с ними много времени проводил. Любил застолья, парилку на целый день. А когда пришел успех... Настоящий – понимаете? И Леня в этот успех поверил, он... – Данилкина задумалась на секунду. – Он решил стать настоящим эстрадным певцом. С утра до позднего вечера работа. Правда! Вы знаете, у него есть одна слабость – он любит утром поспать. Раньше говорил: «Если я узнаю, что через неделю мне придется рано вставать, всю неделю у меня плохое настроение». А теперь встает в шесть, садится на велосипед. Потом бассейн, занятия в спортзале. Вы же знаете, как он выкладывается на сцене? Потом репетиции. И на друзей почти не осталось времени. Кое-кто обиделся. Подумал, что Леня пренебрегает дружбой. Но я знаю: есть люди, которые не прощают успеха своим друзьям.

– А кто из друзей остался?

– Если по большому счету – никого. Но это я так думаю. А Леня считает, что у него много верных друзей, которые любят его по-прежнему. Звонит им, обижается, что нет ответных звонков.

– Вы можете назвать этих людей?

– Коля Орлик, солист мюзик-холла, Андрей Кокарев из политехнического. Недавно защитил докторскую. Володя Севрюк...

Панин вспомнил прилипшего к нему на вечеринке у Ватагина пьяного актера.

– Он был очень дружен с моим мужем. Но вот произошел этот несчастный случай. И счастливый... – Данилкина произнесла эти слова естественно и просто. А у капитана на душе вдруг сделалось муторно. «Что же будет с ней, если Орешникова нет в живых?» – подумал он.

– Леонид никогда не говорил вам, что ему угрожали рэкетеры?

– Угрожали? – казалось, она и мысли допустить не могла, чтобы кто-то угрожал ее Леониду.

– Да. Месяца два назад какие-то люди требовали от Орешникова, чтобы он отдавал часть своих заработков от концертов.

В это мгновение зазвонил телефон. Панин снял трубку.

– Капитан, ты вызывал Татьяну Данилкину? – спросил Семеновский.

– Да.

– Напрасно. Мог бы съездить к ней в театр. Домой, наконец! – в голосе полковника чувствовалось раздражение. – В личную жизнь нельзя вламываться кавалерийском наскоком! Сейчас звонил ее муж – устроил мне настоящую истерику! – полковник говорил очень громко, и, как плотно Панин ни прижимал трубку к уху, Данилкина, наверное, уловила, что речь идет о ней. Она смотрела на Панина с тревогой. – И он прав, – бубнил шеф. – Расспрашивать его жену о певце Орешникове, который уже два года не работает в театре, – давать пищу сплетням. А по его словам, сплетен и так хватает. Ты со мной согласен?

– Нет, товарищ полковник.

– Что-что?

– Так точно, товарищ полковник.

– Знаешь что, Александр Сергеевич, зайди-ка сейчас ко мне, – почти ласково сказал Семеновский. – Я хочу на тебя взглянуть.

– У меня сейчас на приеме посетительница...

– Данилкина? – теперь уже шепотом спросил полковник.

– Так точно.

– Ну ты даешь! – как-то совсем по-мальчишески выпалил Семеновский и повесил трубку.

– У вас из-за меня неприятности? – спросил Татьяна.

– Ну что вы! – бодро запротестовал Панин. – Работа такая. Каждый день какой-нибудь сюрприз.

– Александр Сергеевич, неужели это правда – про рэкетиров?

– Правда. Наверное, Орешников не захотел вас волновать.

– Это на Леню похоже. А знаете, недели две назад к нему в квартиру залезли воры – украли видеотехнику, все кассеты. Двести штук!

– А точнее вы не вспомните, когда произошла кража? Какого числа?

– Трудно указать точную дату. Леня на два дня уехал в Москву. На субботу и воскресенье. У него были концерты в Лужниках. Вот в эти два дня и три ночи и залезли воры в квартиру.

– Орешников заявил о пропаже?

Данилкина вздохнула:

– Точно не знаю. Произошло что-то для меня непонятное. Я встретила Леню на Московском вокзале. Он был веселый – концерты прошли с небывалым успехом. Пока мы ехали к нему домой, Леня балагурил, шутил, мешал мне вести машину...

– У вас есть машина?

– Да нет, машина чужая. Его двоюродного брата. Но он иногда дает мне ключи, когда надо встретить Леню. Или когда мы едем с Леной к нему на дачу. Ну так вот, – продолжала она, – Леня всю дорогу веселился, а когда подъехали к дому и он выгреб из багажника цветы... – Данилкина улыбнулась. – Никогда не видела такого количества роз! Леня вдруг в лице переменялся, бросил розы и чуть не влез в багажник. Что-то доставал там.

– Что?

– Не знаю, – пожала плечами актриса. – Я спросила, он отмахнулся: «Да, ерунда на постном масле... Не бери в голову. Потом расскажу». А потом я и забыла про этот случай: поднялись в квартиру, а там сюрприз. Видик и телевизор украли. Леня был очень сердит. Просто места себе не находил! Он такой наивный. Правда! Всегда считал, что, раз его любит молодежь, рокеры, поклонники тяжелого рока, никто в квартиру к нему не полезет. Даже сигнализацию не провел. А вот залезли!

– Вы никогда не слышали от него фамилию Суриков? Или кличку Сурик?

– Нет. Таких знакомых у него нет. И у меня тоже.

– Что вы можете сказать о Курносове?

– Ничего плохого, – она улыбнулась грустно. – И ничего хорошего.

– Как он относится к вашему мужу?

– Очень хорошо. У Вилена Николаевича со всеми в театре хорошие отношения.

– А с Орешниковым?

– Не знаю... По-моему, у них нет никаких отношений.

– Где покупал Орешников видеотехнику?

– Телевизор в «Березке». Он же получал валюту на гастролях. А видик привез из Японии.

– А кассеты?

– Часть привозил. Часть Курносов записывал ему. Он многим записывает. И берет не очень дорого.

– Вы не будете возражать, если мне придется обратиться к вам еще раз? – спросил Панин, вспомнив незаслуженный нагоняй от полковника.

– Нет. Только не присылайте мне повестку домой. Я сейчас живу у подруги. У Тамары Белоноговой. – Она ответила на вопрос, который Панин никак не решался задать. – У Тамары есть телефон. – В словах Данилкиной капитану послышалась легкая усмешка. Но лицо актрисы по-прежнему было доброжелательным.

Когда Панин записывал телефон, его рука предательски дрогнула.

После ухода Данилкиной капитан позвонил Диме Сомову, занимавшемуся кражами видеомagneтофонов. Заявления от певца Леонида Орешникова о том, что у него украли кассеты и видик, не поступало.

– Может быть, этим занимаются в районе? – спросил Панин.

– Можешь, конечно, позвонить и туда. Если у тебя много свободного времени, – сказал Митя-большой. – Но вся информация по видикам собирается у меня, будь они неладны, эти видики-невидимки!

Переговорив с Сомовым, капитан заглянул в кабинет у шефу. У полковника сидел какой-то пожилой толстяк, раскрасневшийся и потный, словно только что выскочил из парилки. Когда Панин, открыв дверь, замер на пороге, толстяк нервно обернулся, метнув на капитана гневный взгляд.

– Ты чего, Панин? – спросил полковник. – Есть новости?

«Новости всегда есть», – подумал капитан и сказал:

– Явился по вашему приказанию!

– Я тебя не вызывал! – полковник демонстративно повернулся к толстяку: – Значит, вы утверждаете, что ничего не видели и не слышали?

Панин осторожно прикрыл дверь и подумал с облегчением: «Значит, на сегодня обошлось без вливания».

### 13

Шел уже третий день с тех пор, как Панину поручили розыск пропавшего кумира ленинградских поклонников рок-музыки. С того злополучного утра, когда певец исчез с Дворцовой площади, – почти неделя. И все это время Ленинградское телевидение и радио находилось в осаде: по всем телефонам звонили фанаты Леонида Орешникова. Даже в бухгалтерию и кафетерий. Не меньше звонков раздавалось и на Литейном, 4. Стоило, например, обратиться по телевидению к свидетелям автодорожного происшествия с просьбой позвонить в милицию, как тут же по названному телефону начинались звонки совсем иного рода: когда вы разыщете Орешникова? Люди просили, грозили, рассказывали невероятные истории.

Странное дело – все последние годы город постоянно захлестывали волны слухов. От самых безобидных: «Илья Глазунов женился на Мирей Матье» – до мрачных предсказаний: «Двадцать четвертого июня город будет начисто разрушен землетрясением».

«Вы слышали, “Зенит” в полном составе разбился в авиакатастрофе?» – спрашивал один ленинградец другого, вместо того чтобы сказать «здравствуйте». И получал ответ: «Черт знает что такое – Игоря С. зарезали в Москве на Садовом кольце! Срежь бела дня».

Немало слухов ходило в разные времена и о Леониде Орешникове. Слухи нервировали, мешали спокойно жить и работать.

«Ну почему всплеск слухов именно в Ленинграде?» – задавал себе вопрос Панин. Ему приходилось слышать небылицы и в других городах, но нигде слухи не расцветали так ярко и не держались так долго, как в его родном городе. А ведь казалось бы – высокая культура и интеллигентность ленинградцев славились по всей стране. Иногда капитан позволял себе помечтать о том, как полезно было бы доискаться до первоисточника всех этих слухов. Ведь если они возникают, значит, кому-то это нужно? Но у него не всегда выдавалось свободное время даже для того, чтобы помечтать. И в компетенцию уголовного розыска борьба со слухами не входила.

Теперь, когда для слухов о судьбе Орешникова имелись все основания, воображение горожан разыгралось. В ходу была даже версия с участием инопланетян. Конечно, вокальные данные у певца были прекрасные, но почему пришельцы остановились именно на нем, а не на Кобзоне или Иглесиасе?

По просьбе Панина ведущие информационной программы «600 секунд» дважды обращались к ленинградцам в поисках свидетелей события на Дворцовой площади. Но в уголовный розыск не последовало ни одного серьезного звонка. Казалось, что в городе, наводненном слухами, нет ни одного человека, не слыхавшего о происшествии с певцом. А люди молчали! И даже возможный свидетель – мужчина с портфелем – не отзывался. Оставалось думать, что он не ленинградец или ехал в командировку, туда, где «600 секунд» не показывают. И уехал именно в то утро, когда исчез Орешников. Папин даже выстроил гипотезу: мужчина шел через Дворцовую площадь на улицу Гоголя, к агентству Аэрофлота, откуда отправляются автобусы в Пулковский аэропорт. И по времени такая гипотеза была близка к делу: в шесть пятнадцать и в шесть тридцать три от агентства отправлялись автобусы. Но шоферы автобусов, которых расспросил Митя Кузнецов, не могли вспомнить, садился ли к ним похожий пассажир. Твердили, что в тот день народу было много. И с портфелями, и с чемоданами.

Больше всего надеялся капитан, что ему удастся выйти на Сурика. Если Инна Печатникова ничего не путала, версия «рэкетиры» казалась теперь самой перспективной.

Этот Сурик никак не выходил у капитана из головы. Он иногда ловил себя на том, что напевает себе под нос бесконечную песенку: «Сурик, сурик, сурик...» О всех Суриковых, про-

живающих в Ленинграде и области, он навел самые подробные справки. К счастью, их оказалось совсем немного. Александр попытался даже узнать, нет ли в городе мужчин по фамилии Сурикашвили и Сурикадзе. В последний год в Ленинграде много преступлений совершили приезжие с Кавказа. Но в адресном столе людей с такими фамилиями не значилось. Папин не поленился и позвонил в Тбилиси, своему знакомому, старшему оперуполномоченному уголовного розыска Отари Беденишвили и спросил, есть ли вообще грузинские фамилии Сурикашвили и Сурикадзе. Отари долго думал, а потом спросил:

– А зачем тебе, дорогой?

– Отари, это вопрос второй! Главное – есть ли такие фамилии? Бывают ли?

– Нет, Алекс, – не согласился Отари. – Это и есть первый вопрос! Если дело серьезное, я буду искать. Но вообще-то никогда таких фамилий не слышал. Самое близкое – Сирадзе и Сулханишвили...

Папин вздохнул.

– Не ищи. Я эти фамилии сам придумал. Понимаешь, Отари, я от клички танцевал. А кличка – Сурик.

Отари тоже вздохнул, выражая Панину свое сочувствие. Поинтересовался:

– Алекс! У вас город морской, корабли красят суриком. Достать для друга банку не проблема?

– Отари, у нас даже банку без сурика достать проблема. Ты хочешь днище «Волги» покрасить?

– Я тебе банку пришлю, милиционер. И не пустую.

– Взяткодатель!

– Вай, какое корявое слово, дорогой! Но я не обижаюсь. Успехов тебе, танцуй дальше!

Была у Панина одна палочка-выручалочка – Глеб Петрович Плотников, у которого он начинал работать стажером в уголовном розыске. Плотников уже лет десять на пенсии. Старик сильно одряхлел: плохо слышал и видел, но голова у него была в полном порядке. Глеб Петрович помнил имена и клички всех преступников, что прошли через его руки. И особенно хорошо тех, до кого он так и не добрался. Он мог в подробностях воспроизвести какую-нибудь облаву тридцатилетней давности на воровскую малину. Сказать, кто из оперативников где стоял, во что были одеты задержанные, какая была в ту ночь погода. И даже какая закуска украшала стол в «малине». Не говоря уже о крепких напитках.

– Да, Николаич, – говорил Плотников, щуря свои слезящиеся, не раз оперированные глаза. – Какая закуска на «малине» у Вити-тити была, когда мы его банду брали! Балычок, языки копченые... Три сорта икры! Я тогда в последний раз в жизни паюсной икры поел!

– Как же ты успел, Петрович? – удивлялся Семеновский, в кабинете которого шла беседа со стариком. – Палили ведь тогда из всех стволов. Отчаянные у Яковлева бандюги собрались.

– Я и к самогону приложился, Николаич. Ты в соседней комнате «скорую» вызывал, а мы с Василием Даниловичем Житецким живых бандюг повязали, лицом к полу уложили и тяпнули по стопарю. Житецкий к коньяку потянулся, а я ему на самогон показал: попробуй. Про Вити-титин самогон у воров легенды ходили. И правда, что тебе живая вода. Мы даже раненому Прибылеву влили. Я думаю, он потому и живым остался.

Папин не позвонил старику с самого начала только потому, что во времена Плотникова ни о каких доморощенных рэкетирах и слуху не было. Трудно было ожидать от него совета в таком деле. Но теперь, когда розыск буксовал, капитан был готов зацепиться за соломинку. «Человек по кличке Сурик мог ведь раньше, во времена Плотникова, заниматься и другими делами?» – думал Папин, подсознательно игнорируя заявление Печатниковой о том, что у рэкетиров, угрожавших Орешникову, были молодые голоса.

– Вас слушают, – отозвался Плотников, сняв трубку. Последние годы баритон Глеба Петровича превратился в дребезжащий тенорок.

– Как жизнь, Петрович? – спросил Панин.

– Жив, и то слава богу, – отозвался старик. – А кто это говорит? Ты, Салех?

– Я, Глеб Петрович.

– Давно ты мне не звонил. Когда майорские звездочки пропивать будем?

– Как бы капитанские сохранить!

– Чего-чего? – переспросил Плотников.

– Сохранить бы капитанские, – повторил Панин.

– Все лихачишь? – старик хорошо знал об автомобильных проблемах Папина и осуждал его пристрастие к быстрой езде. «Мы-то все больше ножками, ножками, – любил говорить старик. – Недаром нашего брата топтунами звали».

– Ты чего звонишь? По делу или о здоровье справиться?

– По делу.

Старик не любил, когда с ним лукавили. А Панин был его учеником.

– Ну валяй, докладывай дело.

– Дело-то длинное, – сказал Панин. – Я заеду, подробно доложу. А пока скажите – кличка Сурик никогда не всплывала?

– Какая-какая? – переспросил Глеб Петрович. – Сурик?

– Сурик, – повторил капитан громче, а сам подумал вдруг: «А если и вправду – Сурик? Может, Печатникова плохо расслышала? Или говоривший шепелявил!» Ему стало даже жарко от такой догадки. Захотелось бросить трубку и тут же позвонить Печатниковой, запросить в картотеке данные на людей с кличкой Сурик. Но обижать старика было нельзя, и Панин слушал, как Плотников повторяет, словно пробуя на вкус: «Сурик, Сурик...»

– Был у меня Сурик. Но этот не про вашу честь. Вызвали его свои же на правез на Смоленское кладбище. Там и кокнули. В октябре шестидесятого.

– У него фамилия Суриков была?

– Да. Суриков Алексей. А больше Суриков мне не попадалось.

– А Шуриков?

– Чего-то я тебя не пойму, Санек. Кто тебе нужен-то? Шурики или Сурики?

Папин рассмеялся – так близко были по звучанию эти два слова.

– И те и другие, Петрович! Свидетельница услышала Сурик. А ведь могла и ослышаться. Я только сейчас просек!

– Чего ты только сейчас сделал? – изумился старик.

– Только сейчас понял, Петрович. Такая простая вещь.

– Правильно. Мог и шепелявый оказаться. Помнишь логопеда с улицы «Койкого»?

– Петрович, ты еще повспоминай, только живых, – попросил Панин. – А я вечером зайду, ладно?

Но встретиться в этот день с Плотниковым капитану не удалось. В управление позвонил Владимир Алексеевич Бабкин, двоюродный брат Орешникова, и заявил, что у себя на даче обнаружил видеотехнику брата.

## 14

Приморское шоссе Панин любил больше всех загородных дорог. Да и не было ни одного ленинградца водителя, которому не нравилась бы эта ухоженная асфальтовая лента, то вьющаяся среди сосновых лесов, то вылетающая на берег Финского залива. Папина раздражали только ограничительные знаки, в изобилии развешанные вдоль шоссе – «60 км», «Обгон запре-

щен», «Стоянка запрещена». Обычно капитан не слишком-то с ними считался, но сейчас, скрепя сердце, притормаживал. Не хватало ему новой докладной из ГАИ.

Недалеко от Солнечного у обочины притулились сверкающий хромом и яркой окраской автобус финской туристской фирмы и два блеклых «жигуленка» с ленинградскими номерами. Номера эти Панину были знакомы. Известные каждому постовому милиционеру фарцовщики Осип Калкин и Николай Иванов «торговали» у гостей из Страны тысячи озер их поношенное, но фирменное барахлишко. На Калкина и Иванова не раз устраивали охоту, бывало даже и ловили, но самое большое наказание – «премия» на пятьдесят рублей – для них было как слону дробина. Фарцовка продолжалась. Да и не всегда милицейские «Волги» и «жигули» могли настичь «шестерки» фарцовщиков. А «мерседесы» в управлении берегли для торжественных случаев – сопровождать своих и заграничных высоких гостей.

Один сотрудник уголовного розыска, оперуполномоченный Сысоев, принял сложившуюся ситуацию так близко к сердцу, что решил действовать на свой страх и риск. Всякий раз – а это случалось не так уж часто, – когда ему удавалось настичь скупщиков барахла на месте преступления, он не только составлял протокол, но и прокалывал шины на их автомобилях. После третьего раза Калкин и Иванов написали жалобу в прокуратуру. На партийном собрании представитель райкома наивно спросил самоуправца:

– Почему вы допустили нарушение законности?

Сысоев долго и мрачно молчал, потом вдруг улыбнулся виновато:

– Я, товарищи, после этого пару ночей поспал спокойно.

Никто из присутствующих не улыбнулся, а представитель райкома тихо сказал:

– Какой цинизм.

Реплика его была услышана, и оперуполномоченного послали служить во внутриведомственную охрану.

Месяца через два фарцовщики снова обратились в прокуратуру: кто-то продолжал прокалывать им шины, но теперь уже по ночам, на стоянке. У Сысоева на все эти случаи имелось железное алиби, и волновали его теперь другие заботы. Виновных найти не удалось.

...В Солнечном, около поста ГАИ, Панин притормозил. Два офицера копались в двигателе желто-синих «жигулей».

– Ребята! – окликнул их капитан. – Тут недалеко Ося Калкин финнов потрошит. Может, сгоняете?

Один из офицеров поднял голову, сказал в сердцах:

– На этом драндулете?! Уж лучше бы нам велосипеды выдали! Сам-то ты почему мимо проехал?

– Дело в Репино.

– У всех дел по горло! Одни мы бездельники!

Панин нажал на газ.

Младший оперуполномоченный репинского отделения милиции Никитин ждал капитана в нагретом солнцем душном кабинете. Здороваясь с ним, Панин не заметил особой радости на его еще совсем мальчишеском лице.

– Чем озабочен, коллега?

– Состоянием преступности на участке, товарищ капитан, – дурным голосом доложил Никитин. Заметив, что Панин взглянул на него неодобрительно, опер добавил смущенно: – Александр Сергеевич, я тут на все отделение один оперативник, а дел... – И поднял со стола пачку тощих папок: – За последнюю неделю обворовали дачи секретаря райкома партии, двух председателей исполкомов. Два заявления от кооперативщиков о рэжете. А сегодня ночью хотели угнать «Волгу» у одного приезжего москвича...

– У москвича – это серьезно, – улыбнулся Панин.

– А что вы думаете? Москвич этот – консультант из МВД Союза. Он душещипательной беседой не ограничился. Сразу заставил уголовное дело завести.

Никитин сложил папки в облезлый сейф и запер его.

– Едем?

– Едем. Ты о понятах позаботился?

– Ждут на соседней даче.

Дача Бабкина оказалась маленькой, похожей на сотни дач-сарайчиков дачного треста. Но домик был выкрашен в необычный свекольный цвет. Темно-зеленая крыша, аккуратные белые наличники выгодно отличали его от казенных собратьев. Все говорило о том, что владелец дачи не только хороший хозяин, но и человек со вкусом. Да и место было прекрасное – большая, открытая солнцу поляна среди сосен. Сразу за дачей начинался склон, и сквозь колеблемые ветром вершины деревьев поблескивал на солнце Финский залив.

Сам хозяин сидел на увитом плющом крылечке и, завидев подъехавшую машину, резко вскочил.

– Милиция? – спросил он, когда Панин и Никитин вышли из машины. Похоже, что его насторожил цивильный вид прибывших и частный номер машины.

– Так точно, – капитан показал хозяину удостоверение, и тот внимательно прочитал его. Даже сверил фотографию с оригиналом.

На вид Бабкину было лет тридцать. Подтянутая, почти спортивная фигура, загорелое волевое лицо, стриженная наголо голова, маленькая золотая сережка в ухе. Прямо герой из эпохи рокеров. Если бы не рост. Рост у артиста подкачал – не больше метра шестидесяти.

– Никитин, покажи товарищу документ, – сказал Панин, заметив, что тот даже не сделал движения рукой в направлении кармана.

– Да что вы, что вы! Мне и одного удостоверения достаточно, – запротестовал Бабкин, широким жестом пригласив милиционеров в дом. – Знаете, сейчас столько пишут о преступности, что перестаешь верить слову.

– Чему-чему, а слову у нас никогда не верили, – проворчал Никитин. – Только документу.

– Ты поэтому и не предъявил его? – спросил Панин.

– Я, товарищ капитан, сегодня удостоверение забыл. Такая жара! Вышел из дому в одной рубашке.

– И не стыдиться признаваться в этом при товарище Бабкине?

– Меня зовут Владимир Алексеевич, – сказал хозяин, пропуская в дом оперативников.

– Александр Сергеевич, – представился Панин.

– А этого рассеянного юношу зовут Евгением Никитиным.

– Евгением Петровичем, – поправил младший лейтенант, и капитан подумал, что молодые ребята теперь совершенно без комплексов и ведут себя очень раскованно. Если бы они умели и дело делать!

Внутреннее убранство дачи соответствовало ее внешнему виду. Все очень строго и скромно. Всюду дерево – хорошо обработанное, ярко демонстрирующее свои достоинства.

– Здорово тут у вас! – восхищенно сказал Никитин.

– Все своими руками, – Бабкин улыбнулся. – У меня достаток скромный. Вы думаете, что артист Ленконцерта большие гонорары гребет? Нет. Я здесь каждую досочку неделями обстругивал, чтобы она свою красоту белому свету открыла.

Тут только капитан обратил внимание на то, что все доски – и на полу, и на стенах, будучи выкрашены краской, не потеряли своей фактуры. Словно их не красили, а слегка подсветили.

– Особая техника! – гордо сказал Бабкин. – Если заинтересуетесь, могу продать секрет. – И засмеялся: – Шучу, шучу...

Манера разговаривать – чуточку многословная, мягкая – никак не гармонировала с внешним обликом хозяина – рассчитанным на симпатии молодежи имиджем поющего рокера.

– Так где же таинственным образом попавшая к вам видеотехника? – спросил Панин. Он решил, что Бабкину совсем не обязательно знать о том, что рассказала ему Татьяна Данилкина о краже из квартиры Орешникова.

– Почему же таинственным?! Я уже говорил по телефону. Пока я был на гастролях, Леня привез видик на дачу. А вот зачем?.. – Бабкин подошел к деревянной панели стены, быстрым движением нажал какую-то кнопку. Панину показалось, что сучок в доске. Потом толкнул ладонью одну из досок, и открылась дверь в небольшой чуланчик. Первое, что бросилось в глаза, – огромная коробка телевизора «Грюндик», а на ней поменьше – фирмы «Хитачи». За коробками на вешалке висели кожаное пальто, плащи, на полке стояло несколько бутылок сухого грузинского вила.

– Голь на выдумки хитра. Нас, обывателей, так запугали статьями о преступности, что приходится думать о самозащите. Об этом тайнике знаю я, знала моя жена, ныне покойная, мой братец Леня.

– Вы уверены, что это его техника? – спросил капитан.

– Уверен. Не так часто у нас в Союзе можно встретить «Грюндик» с хрустальным стеклом. Да и о чем говорить? Я же видел у Лени именно этот видик! Сам не однажды пользовался им.

– А брат не оставил вам никакой записки?

– Нет.

– Странно...

– Странно, что он привез технику, – недовольно сказал Бабкин. – А писать записки не в Лёниных правилах. Да и зачем? Объяснил бы при встрече.

– Похоже, свидание откладывается, – сказал Панин и обернулся к Никитину: – Женя, давай своих понятых. Надо пальчики брать с аппаратуры.

– Понятых? – насторожился хозяин. – Не хотелось бы. Чужие люди, тайник...

– Это ваши соседи, старики Утешевы, – доложил Никитин.

– Тем более! У них внуков целый выводок. Знаете что, – предложил Бабкин, – давайте вытащим технику в комнату, а дверь в чулан закроем? Ничего же не нарушится?

– Почему бы и не вытащить? – согласился младший лейтенант. Но Панин строго взглянул на него. – Товарищ капитан, составим протокол об изъятии техники из тайника, – как ни в чем не бывало продолжал Никитин. – А с понятыми будем пальчики проявлять.

Вытаскивать технику без понятых, а потом при них проводить все остальные следственные действия было нарушением. Но Панину стало жалко артиста – строил тайник, старался, а чужие люди будут глазеть. Неизвестно, что у них за внуки!

Не распаковывая, осторожно, они перенесли видеомагнитофон и телевизор в комнату. Телевизор был такой громоздкий, что капитан отметил про себя: одному человеку с ним трудно управиться.

– Владимир Алексеевич, а как Орешников мог попасть к вам на дачу? – спросил он, когда младший лейтенант ушел за понятыми.

– У него есть ключи.

– Он бывает здесь в ваше отсутствие?

– Бывает когда захочет, – усмехнулся Бабкин. – Когда есть компания.

– А своим друзьям он не мог показать ваш тайник?

– Вы хотите сказать – своим подругам? Нет, товарищ капитан. У Лени хватает грехов, но слову его можно верить.

– Значит, он сюда приезжал с женщинами? – задумчиво сказал Панин. Бабкину почудилось в словах капитана осуждение, и он сказал с вызовом:

– Да, с женщинами. Не вижу в этом ничего плохого. Тем более что женщины у Ленки – люкс.

– Вы когда вернулись с гастролей? – спросил капитан.

– Позавчера.

– А приехали на дачу?

– Вопрос понят. Вы думаете, не жил ли Леня все это время на даче? У меня такая мысль тоже появлялась. И позавчера вечером я махнул сюда. Никаких следов Ленькиного пребывания! Кроме его имущества.

– Откуда такая уверенность?

– Капитан! О чем вы говорите?! Если на дачу приезжает такой человек, как мой брат, да еще с женщиной...

– Непоправимый урон припасам?

– И такое бывает. Но чаще всего наоборот. Он привозит еды и напитков на неделю, а сбегает через день. Нынче же наш кумир торопился – поставил технику и назад. Не выпил даже бутылки «пепси».

«Неужели помнит, сколько бутылок пепси хранится в холодильнике?» – подумал Панин, но спрашивать не стал. У него были более серьезные вопросы. В это время появился младший лейтенант с понятыми – высоким седым стариком с палкой и еще не старой женщиной. Старик был в красивой адидасовской майке, а женщина, несмотря на жару, кутала поясницу в плед. Старика Панин сразу же узнал. Несколько лет назад он работал зампредом горисполкома и частенько давал интервью по телевидению, объясняя согражданам, почему в Ленинграде не хватает то одних, то других продовольственных товаров. Не так давно его проводили на пенсию.

– Борис Павлович Утешев и его супруга Матильда Викторовна, – представил понятых Никитин. – Любезно поверили мне и без документов. – Говорил он вежливо, но чувствовалась в его голосе некоторая молодая снисходительность. Вот, дескать, каких классных привел я вам понятых. Любуйтесь.

«Ведь наверняка знает, что Утешев был большим начальником, – подумал капитан. – А сам Борис Павлович? Охота ему быть понятым? Может, со скуки? Все-таки событие!»

Утешев сдержанно поздоровался.

Владимир Алексеевич засуетился, отодвигая от стола стулья, чтобы посадить гостей, но спохватился и вопросительно посмотрел на Панина.

– Пожалуйста, прошу вас, – пригласил капитан садиться. Он никак не мог придумать для них объяснение тому, что милиция исследует на даче Бабкина не принадлежащую ему видеотехнику. Такое объяснение, которое не бросало бы на хозяина тень подозрения. «Скажу им как есть! – решил капитан. – Чего лапшу на уши развешивать?»

Об исчезновении Леонида Орешникова понятые знали. Знали и о том, что он двоюродный брат Бабкина. Похоже было, что видели его не раз во время приездов на дачу.

– Значит, все еще не нашелся? – посетовала Матильда Викторовна, когда капитан объяснил, почему осматривали аппаратуру. – А я хотела спросить Владимира Алексеевича, да постеснялась.

Сам Утешев не проронил ни слова, только покивал сочувственно. Он с неподдельным интересом изучал отделку дачи соседа, ничуть не стараясь скрыть, что ее чудеса интересуют его больше, чем пропажа популярного певца.

Вдвоем с Бабкиным капитан осторожно вынул видеомagneтофон и телевизор из упаковки.

– У брата техника стояла в распакованном виде? – спросил Панин.

– Естественно! Он уже два года, как обарахлился.

– С упаковки «пальчики» не слишком-то хороши будут, – сказал младший лейтенант. Он уже раскрыл свой следственный чемодан и готовился снимать отпечатки. Внутренность чемодана являла собой печальную картину – не поддающаяся описанию мешанина из десятков штатных и случайных предметов.

– У нас он один на все отделение, – сказал Никитин, заметив удивленный взгляд каштана. – Пользуются как бог на душу положит. Один раз я в этом кейсе лифчик обнаружил!

– Давай, Евгений, начинай работу, – прервал каштан.

– А мы с Владимиром Алексеевичем прогуляемся по лужайке и побеседуем.

Они вышли на крыльцо, и Бабкин, заговорщицки показав на дверь, спросил:

– Вы, каштан, знаете, что это за ребята?

Панин кивнул.

– «Были когда-то и мы рысаками...» – с чувством удовлетворения продекламировал Бабкин. – А сейчас посмотрели бы вы на их казенную дачу? Сараюха. Не очень-то жалуют у нас бывших.

– Владимир Алексеевич, вы сказали, что брат часто приезжал на дачу с женщинами экстра-класса. А не может он сейчас с одной из них купаться в Черном море или плыть по Волге на теплоходе?

– В принципе это возможно. А почему бы и нет?

– Тогда вопрос второй...

– Вопрос понят! С кем?

– Да. Вы можете назвать имена тех женщин, с которыми ваш брат мог бы внезапно уехать... – Панин помедлил, подыскивая подходящие слова, – ...в путешествие? – Ему показалось, что собеседник растерялся. – Вы не беспокойтесь, Владимир Алексеевич. Все останется между нами.

– Я ведь не лезу в Ленкину жизнь. И на дачу он приезжает без меня. Так что...

– Но ведь с кем-то из них вы встречались? Из тех, что вы отнесли к экстра-классу?

– Встречался только с одной. С Татьяной Данилкиной.

– Понятно. А что знаете о других? Имена, фамилии?

– Не помню. Имена, может быть, он и называл, но я не запомнил. Так, общие слова: «славная козочка», «дусенька – все могусенька»...

«Ничего-то он тебе не рассказывал, – подумал Панин.

– И приезжал сюда только с Данилкиной. Зачем только вы все напридумывали, гражданин Бабкин?» – И весело сказал: – Так! С девушками мы разобрались. Татьяна Данилкина из Ленинграда никуда не выезжала. О прекрасных незнакомках нам ничего конкретно неизвестно.

Бабкин посмотрел на капитана с вызовом и многозначительно усмехнулся. Как будто хотел всем своим видом показать: «Можете делать любые выводы. А мы-то знаем, да не скажем!»

– У меня еще один вопрос. Вы приехали на дачу позавчера вечером. А когда обнаружили в тайнике технику?

– Сразу же и обнаружил. Естественное желание проверить – все ли в доме на месте. А вас интересует, почему я позвонил в милицию только сегодня? По-моему, это так понятно! Я ожидал, что брат объявится. Одно дело – милиция, знакомые, другое – родственник. Не думаете же вы, что Лени нет в живых?!

– Орешников, наверное, в первую очередь дал бы знать о себе матери.

– Она на даче под Лугой. Там нет телефона. Значит, надо телеграфировать. А если он завихрился с кем-то? Зачем беспокоить мать? Он ее письмами не балует. Я рассуждаю логично?

– Логично, Владимир Алексеевич. Спасибо, что хоть позвонили.

Бабкин метнул на капитана сердитый взгляд:

– Честно говоря, я и сегодня не очень-то горел желанием вам звонить. Решил – придет тетушка, сначала ей все расскажу. А что? Технику Леня сам привез. Это же ясно. Объявится он когда-нибудь! А утром услышал информацию в «Новостях» – чувствую, дело серьезное...

– Владимир Алексеевич, – перебил Панин, – как вы себе представляете эту операцию?

– Какую операцию? – насторожился Бабкин.

– По доставке к вам телевизора. Ваш брат ведь не тяжелой атлетикой занимается.

Бабкин засмеялся:

– Да вы хоть раз Леньку на концертах видели? Рост – сто девяносто, выносливость, как у тигра. А столько двигаться по сцене?! И в таком темпе! – Он перестал смеяться и добавил:

– А телевизор, кстати, не такой тяжелый. Это на «Рубине» можно пупок развязать, а они умеют делать.

– Умеют. Но коробка необъятная. Нужны руки, как у орангутанга. Да еще коробку надо ставить на крышу машины. В багажник и в салон она не влезет. Да и машина нужна...

В это время на крыльце появился младший лейтенант:

– Александр Сергеевич, дело сделано. Что дальше?

– Придется товарищу Бабкину еще одну неприятность доставить.

– Замок? – догадался Никитин.

– Капитан! Зачем вам замок? Я читаю детективы – знаю, что, если открывать отмычками, остаются царапины. Но у Лени свои ключи! Такие же, как у меня. – Бабкин вытащил из кармана несколько ключей на связке и потряс ими перед Паниным. – Точно такие же. «Родственники», а не сделанные по заказу.

– Нам замок и нужен-то на несколько часов. Если хотите, младший лейтенант подежурит у вас это время. Для верности.

– Я еще побуду здесь, – нерешительно сказал Бабкин. – Но на ночь мне бы не хотелось оставаться с незапертой дверью.

Капитан посмотрел на часы:

– Сейчас половина второго. В шесть замок будет стоять на месте. Устраивает?

Бабкин промолчал. Он с тревогой смотрел, как младший лейтенант принес из комнаты свой кейс, достал огромную отвертку и пытался попасть ею в аккуратный крестообразный шуруп абловеского замка. Старики понятия внимательно следили за его манипуляциями.

– Подождите, подождите, молодой человек! – не выдержал, наконец, Бабкин. – Я вам дам отвертку поменьше.

Он стремительно сорвался с места и исчез в доме. Глядя на его кряжистую фигуру, Панин мысленно поставил их рядом: высокого, с львиной копной волос, с бесшабашным задором во взгляде, до предела раскованного Орешникова и собранного, настороженного, похожего на готового к бою бритоголового рокера Бабкина.

«Еще неизвестно, как держался бы Орешников, доведись ему стать на место двоюродного брата», – подумал капитан, проводив взглядом Владимира Алексеевича, а он уже появился на крыльце с парой красивых отверток:

– Этой удобнее. А то разнесете мне замок к чертовой бабушке. А я человек небогатый.

Бабкин отдал отвертку Никитину и подошел к капитану.

– Так на чем мы с вами остановились?

– У вашего брата нет дачи?

– Ну какая дача! Тетушка стара, а Лёне дача противопоказана. Он человек непрактичный. Его дача рухнула бы уже через полгода. Абсолютная непригодность ко всякому хозяйству. Но вы, по-моему, остановились на том, что для перевозки аппаратуры нужна машина.

– Сказал. Таксопарки мы проверим, но Орешников мог взять «левака». Или попросить друзей.

– Могли, конечно, подвезти друзья, но мне бы сообщили. Круг хороших знакомых у нас не очень-то широк.

– А во время ваших гастролей брат не пользовался вашей машиной?

– Нет... Он... – Бабкин замолк, словно не зная, стоит ли откровенничать перед милиционером.

– Дал зарок? – помог ему капитан.

– Вы слышали?! Не то чтобы зарок, но дал себе слово за руль не садиться. А тем более за руль моей машины. Это ведь его «жигуленок».

Панин хотел спросить у Бабкина, где этот «жигуленок», – рядом с дачей не было ни гаража, ни машины, – но сдержался. Что-то все время настораживало его. Капитан никак не мог понять этого человека. Не то Бабкин что-то недоговаривал, стараясь уберечь брата от милицейского глаза, не то очень умело бросал на него тень.

Младший лейтенант управился с замком в считанные минуты, упаковал его в полиэтиленовый пакет, уложил в кейс и довольно нахально показал Панину на машину, давая понять, что надо бы и поторопиться.

– А протокол? – спросил Панин.

– На столе. Понятые уже подписали. Теперь Владимир Алексеевич приложит ручку, а мы отправимся в путь.

– Да-да, мы бумаги подписали, – подтвердила Матильда Викторовна. – Первый раз вижу, чтобы мужчина так быстро печатал на машинке.

– Да, как пулемет, – сказал Утешев. Это были первые слова, которые он произнес за все время.

– А машинку где взяли? – удивленно спросил капитан.

– С любезного разрешения товарища Бабкина, – улыбнулся младший лейтенант, – в его доме.

– Да-да, пожалуйста! – согласно кивнул хозяин. – Она в комнате на маленьком столике.

Панин понял, что никакого разрешения Никитин не спрашивал. Сердито посмотрев на младшего лейтенанта, он вошел в дом, внимательно перечитал протокол, приготовившись внести свои поправки, но все было составлено безукоризненно. Даже запятой не пришлось поправить. Он подписал своей размашистой малопонятной подписью и дал Бабкину. Тот подписал, как показалось Панину, не читая.

– Вы бы хоть пробежали, Владимир Алексеевич, – недовольно сказал капитан.

– Я читаю с листа, – гордо ответил Бабкин.

Панин поблагодарил понятых.

– Желаю удачи, – приветливо улыбнулась Матильда Викторовна, а Утешев молча поклонился.

Садясь в машину, капитан спросил Бабкина:

– Прозвище Сурик вам ни о чем не говорит?

– Н-н-ет. У меня, правда, есть знакомый, Федор Суриков, но его даже в детстве Суриком не звали.

– Вы не звали, а у других, может быть, он проходил под кличкой Сурик?

– Нет! Он всегда был такой серьезный, даже в школе, что никакие клички к нему не приставали.

– А где он сейчас?

– Вы, наверное, его знаете! Федор Степанович Суриков, помощник прокурора города.

Никитин рассмеялся:

– Федот, да не тот!

– А почему вы спросили? – полюбопытствовал Бабкин.

– Да так, всякие иллюзии! А ваш брат никогда не говорил, что ему угрожали рэкетеры? Владимир Алексеевич изобразил на лице такую удивленную гримасу, что Панин засмеялся и тронул машину с места.

– Пожиже братец, пожиже, – усмехнулся младший лейтенант.

Капитан понял, что Никитин сравнивает Бабкина с Леонидом Орешниковым.

– Ты хоть раз слышал, как он поет?

– Он поет как все. А Леонид – суперзвезда. На него только посмотришь – уже хочется что-нибудь такое клевое отчебучить! – Никитин выразительно потряс кулаком. Кулак у него был внушительных размеров.

– Ты, Женя, уж не поклонник ли тяжелого рока? – спросил капитан.

– Нет, Александр Сергеевич. Я фанат Леонида Орешникова.

В Репино мимо зеленого дома отделения милиции Панин проехал, не снижая скорости.

– Э-э, капитан! Мы так не договаривались! – закричал Никитин. – Меня обиженные и обобранные ждут!

– Я тебя реквизирую на время. Сиди и не чирикай. Тоже мне фанат! Лишний шаг ради своего идола боишься сделать!

– Да я ради Орешникова... – начал было Никитин и сник. Лицо его помрачнело.

В Солнечном гаишники все еще ремонтировали свою машину. Только теперь их было трое.

– Вот ребятам не повезло! – сказал младший лейтенант, бросив сочувственный взгляд на офицеров. – Такую тачку подсунули – второй месяц уродуются, довести до ума не могут. А ты, командир, почему рабочее время зря расходуешь? – поинтересовался он, взглянув, на спидометр.

– Дурная привычка!

– Новичок?

– Сам ты новичок! – рассвирепел Панин. Он мог простить любую шутку, но младший лейтенант задел его больную мозоль. – Я еще в седьмом классе права получил! Но гаишники на меня вот такое досье собрали! – Он отпустил руль и показал руками толщину этого досье. Как ни странно, но машина, оставшись без управления, хорошо вписывалась в плавные повороты Приморского шоссе и даже прибавила скорость. – Тут уж делать нечего, поневоле поостережешься!

– Ну, влепят выговорешник! – легкомысленно бросил Никитин. – Не смертельно.

– Выговорешник?! Да я, как минимум, служебное несоответствие получу! Или попросят «на выход».

Никитин и к этому отнесся спокойно:

– Пойдешь юрисконсульт в кооператив. Такие бабки получишь, что тебе и не снилось! – Он скосился на спидометр – стрелка уже дрожала на ста двадцати. А Панин успокоился.

– Ты, Женя, давно запрягся?

– Третий год.

– Тебе легко рассуждать. Три года тут, три года там... А когда лет десять в хорошей компании прослужишь – не очень-то захочется с круга сходить.

Они въехали в Сестрорецк, и капитан сбавил скорость.

– Не дрейфь! – покровительственно сказал Никитин.

– У меня по всей трассе друзья.

Панин расхохотался. Злость его прошла.

– У меня по всему городу друзья. В талоне ни одной дырки, а на столе у начальства десяток докладных.

Он вполуха слушал рассказы младшего лейтенанта о том, как трудно приходится милиционерам, стерегущим дачи крупного ленинградского начальства, – постов много, людей мало, не отлучиться по нужде, а сам думал о том, что у Орешникова имелись серьезные основания привезти видеотехнику на дачу брата. То, что рассказала Инна Печатникова про рэкетиров, потребовавших с певца десять процентов, прочно связывалось в его голове с этой техникой. А что, если Орешников еще раз встретился с вымогателями и решил, что береженого Бог бере-

жет? Взял и просто-напросто спрятал кое-что из своего имущества? Капитан предполагал, что хитроумный финский замок на даче Бабкина был открыт «родным» ключом и посторонних пальчиков на телевизоре и магнитофоне экспертиза не обнаружит. А Бабкин? Он что, на дачу приехал на электричке? Может быть, его «жигули» в ремонте? Панин резко затормозил и съехал на обочину, подняв пыльное облако.

– Что случилось? – удивился младший лейтенант.

– Прокол?

– Хотел бы я знать, на чем приехал артист Ленконцерта на дачу?

– Наверное, на электричке. Машин рядом с дачей не было видно.

– А следы протекторов на песке заметны. И трава примята.

– Значит, раньше ездил на машине, а сегодня на электричке. У тебя что, машина не ломается?

– Во-первых, он приехал не сегодня, а два дня тому назад. А до этого был на гастролях.

– Да ведь сегодня с раннего утра такой дождина хлестал. Чего ты озаботился его машиной? Идея есть?

– Надо бы посмотреть, что за машина? Какая модель, какого цвета? Я любопытный.

– Я тебе завтра доложу, – успокоил Никитин, но капитан, пропустив огромный югославский трейлер, круто развернулся и помчался в обратную сторону. Никитин только присвистнул, но ничего не спросил.

Когда надо было сворачивать с шоссе к даче Бабкина, Панин остановил машину и сказал:

– Подожди меня здесь, я быстро.

Он поднялся в горку по мощенной булыжником старой дороге, живо представив себе, как ранним утром бежит по ней Бабкин купаться на залив, как возвращается взбодренный и веселый в предвкушении чашки крепкого кофе на залитой солнцем веранде. Что-то похожее на зависть шевельнулось в груди. «Не отказался бы и я тут недельку покойфовать!» – подумал Панин. Он уже просунул руку над забором, чтобы открыть калитку, как увидел за деревьями, рядом с дачей, красные «жигули». Сорок минут назад на участке их не было!

Прячась за кустами, капитан прошел вдоль забора поближе к даче. В одном месте он задел за пустую консервную банку и несколько минут переждал, спрятавшись за толстую сосну. Рядом с забором Владимир Алексеевич устроил грандиозную свалку из пустых банок, битых бутылок, старых чайников. Даже ржавая стиральная машина валялась среди гниющего утиля. «Тоже мне экологи! – зло прошептал капитан, вспомнив чуть ли не ежедневные выступления по телевидению поборников нетронутой природы. – Походишь вокруг дач, сразу убедишься, что борцы за экологию свои личные помойки в расчет не берут!»

У Бабкина было тихо, и Панин двинулся дальше, до тех пор пока не смог разглядеть «жигули» получше. «Где же он прятал свою машину? – подумал капитан. – И главное, зачем? А может быть, к нему гости пожаловали?»

Капитан углубился в лес и метров через сто вышел к одной даче – неказистому, похожему на сарай сооружению, выкрашенному в песочный цвет. Утешева сидела в шезлонге и вязала. Панин подошел к забору и негромко окликнул ее.

Матильда Викторовна подняла голову и прислушалась.

– Можно вас на минутку? – попросил капитан.

– Да что же вы за забором стоите? – крикнула она, но Панин приложил палец к губам, и Матильда Викторовна, закивав головой, пошла ему навстречу.

– Может быть, зайдете чайку попить? – спросила она шепотом. – А то соседка вас ничем не попотчевал. Виданное ли дело, столько времени на него потратили!

– Спасибо, Матильда Викторовна. Хочу у вас поинтересоваться, где Владимир Алексеевич свои «жигули» держит?

– Машину где держит? – в глазах женщины промелькнула хитрая искорка. – Около дачи обычно. А вчера попросил поставить к нам. – Она показала на кусты, за которыми виднелся железный гараж. – Он в гости уходил, беспокоился – сейчас стекла, что ли, вынимают? Колеса откручивают. Наши ребята в отпуск уехали, гараж свободный. Что-нибудь еще спросить хотите?

Панин улыбнулся.

– Если позволите. Несколько дней назад на дачу к Владимиру Алексеичу привезли аппаратуру... Ту, что мы сегодня осматривали. Вы не видели – кто?

– Не видела. Смотрите, какой у нас лес, – разве углядишь? Да и не услышишь – ветерок с залива все время балуется.

Панин поблагодарил женщину и спросил, как ближе добраться к шоссе. Ему не хотелось идти мимо дачи Бабкина.

– Через сто метров калитка. Там санаторий Ди Витторио. Направо шоссе. Рукой подать.

– Женя, кто такой Ди Витторио? – спросил капитан у Никитина, садясь в машину.

– Какой-то итальянец знаменитый.

– Сильно знаменитый?

– Не знаю. На шоссе, ближе к Зеленогорску, памятник – девушка на рельсах платочком машет. Говорят, тоже итальянка, Раймонда Дьен. У себя в отделении спрашивал, кто такая, – никто толком не знает. – Никитин помолчал немного. Потом сказал, потянувшись с удовольствием:

– Поспать бы минут пятнадцать! Вот пойду в отпуск – первую неделю буду спать без просыпа.

Когда они свернули с Приморского проспекта на Ушаковский мост и впереди, над зеленью Каменного острова, замаячила телебашня, Панин подумал о том, что заказанные им вчера фотографии должны быть уже готовы.

– Пятиминутная остановка у кузницы новостей! – сказал он, но младший лейтенант не ответил. Запрокинув голову назад, он крепко спал.

Из бюро пропусков Папка позвонил Максимову, но его телефон молчал. Тогда он набрал номер монтажной. Трубку подняла Светлана Яковлевна. Папин представился.

– А я вам звонила, – сказала монтажница. – Картинки ваши готовы. Можете приезжать.

– Уже приехал. Звоню из бюро пропусков.

Через десять минут Светлана Яковлевна вышла из подъезда телецентра с большим конвертом в руках. Была она такая бледная и сосредоточенная, как вчера на просмотре, не улыбнулась в ответ на улыбку Александра. Вручила конверт, сказав:

– Если понадобится что-то еще – звоните.

Евгений все еще спал. Время от времени у него вздрагивала то рука, то нога и он издавал легкий жалобный стон. Было такое впечатление, что он и во сне кого-то преследует.

Панин положил конверт себе на колени и одну за другой начал вынимать фотографии. Ему не терпелось увидеть, что же получилось.

На первой фотографии была поливалка, бьющая тугими серебристыми струями по асфальту Дворцовой площади. Номер машины вышел прекрасно. А вот номер красного «жигуленка», ехавшего в сторону улицы Халтурина, разобрать было невозможно, так как в кадре он получился «в профиль».

Прекрасно получились молодые ребята, пришедшие посмотреть на съемку: красивая, но сердитая девушка и какой-то осоловелый, а может быть, просто пьяный парень. Наконец Панин вытащил из конверта две фотографии пожилого мужчины, о котором рассказывали Максимов и Мартынов. Эти кадры особенно заинтересовали капитана. На одной карточке мужчина с портфелем только-только вышел из-за угла – его лица не было видно, только затылок. Что-то привлекло внимание мужчины, и, появившись на площади, он оглядывался назад.

Во втором кадре мужчина уже смотрел прямо в объектив. Лицо сосредоточенное, но ни тревоги, и испуга на его лице Панин не разглядел. Значит, то, что привлекло внимание мужчины за углом, на улице Халтурина, не носило драматического характера. Или нервы у него были очень крепкие?

– Это кто? Пуговкин? – спросил хриловатым голосом проснувшийся Никитин.

– Может, и Пуговкин. Вам, товарищ младший лейтенант, мы и поручим выяснить.

– Пожалуйста! – легко согласился Евгений. – Я, как посплю, на многое способен.

– Сейчас размножим этот портрет, – сказал Панин. – И в путь. На Миллионную. Сначала покажешь в ближайших от площади дэзах. Если не опознают, придется обходить квартиры.

Он вспомнил, что видел на улице Халтурина вывеску гостиницы.

– В гостиницу Академии наук заглянешь в первую очередь.

«Только почему этот человек сказал Максиму, что никого не видел за углом? – подумал Панин. – Один велосипед. Может быть, он на велосипед и оглядывался? Удивился, что тот лежит на пустой улице?» Это были праздные вопросы. Ответить на них мог только этот чем-то похожий на актера Пуговкина мужчина.

– Не очень-то хорошее изображение, – заметил Никитин. – Резкость маловата. Оригинал бы раздобыть.

Как только они приехали на Литейный, капитан позвонил Максиму. Спросил, нельзя ли получить кусок пленки «с Пуговкиным».

– Нет проблем! – ответил Максимов. – Конечно, можно. Светлана настроит вам этих кадров сколько нужно.

Но полчаса спустя раздался телефонный звонок, и Лев Андреевич смущенно сообщил капитану, что кадры с запечатленным «мужчиной с портфелем» пропали.

– Этот кусок пленки, всего полметра, оператор отснял на новой бобине. Он вам рассказывал... Кадры бросовые. Сделали для вас отпечатки, и пленку Светлана выбросила.

– Куда выбросила?

– У себя в монтажной. Там есть корзина... Когда мы занимаемся монтажом, то бракованные обрезки в нее бросаем. – Предвидя вопрос капитана, Максимов добавил:

– Я все осмотрел. Как назло, пленки нет.

– Не беспокойтесь, Лев Андреевич, – сказал Панин.

– Мы распечатаем фото с тех копий, которые у нас есть.

– Значит, это не очень страшно? – повеселевшим голосом отозвался режиссер. – А то неловко как-то, пообещал – и опростоволосился!

– А если в вашей монтажной поискать как следует?..

– Дело в том, что искать негде, корзина пуста.

– А я так понял, что в ней должны быть горы обрезков.

– Теоретически. В том случае, когда идет монтаж. В последние дни монтажная пустовала. Сегодня Светлана специально пришла пораньше, отобрала для вас кадры, отнесла в фотолaborаторию. Там отпечатали. Когда пленку вернули, кусок с мужиком она бросила в корзину. За ненадобностью.

Разговор с Максимовым оставил у капитана чувство неудовлетворенности. Его насторожила пропажа пленки. Конечно, на такой «фабрике», где снимаются и монтируются десятки фильмов, это могло быть делом обыденным. Смущали обстоятельства пропажи: по словам Льва Андреевича, монтажница бросила киноленту в пустую корзину – монтажная в последние дни пустовала. Может быть, у них есть любители коллекционировать кадры из будущих фильмов. Какой-нибудь фанат или фанатка Орешникова? Но для того чтобы попасть в монтажную, нужно иметь ключ!

На розыски незнакомца, случайно оказавшегося на Дворцовой площади во время злополучных съемок, Панин, как и собирался, послал Никитина. Начальство на удивление легко согласилось оставить его в распоряжении капитана. Выйдя из кабинета Семеновского, Александр сообразил, что, попроси он себе в помощь кроме Никитина еще пару сотрудников, полковник теперь бы не отказал, – происшествие с Орешниковым взволновало весь город.

Передавая фотографию «мужчины с портфелем» младшему лейтенанту, Панин подумал о том, что хорошо бы отправить на улицу Халтурина кого-нибудь другого. Человек все-таки после ночного дежурства и весь день на ногах. Но Кузнецова в управлении уже не было, а медлить не хотелось. Так вяло начавшийся розыск закрутился в тугую пружину. Теперь уже никому и в голову не приходило отпускать шуточки по поводу сумасбродных выходов и эксцентричности Орешникова.

Уговаривать Никитина не пришлось. Скептически посмотрев на фотографии и спрятав их в карман, младший лейтенант сказал:

– Подбросил бы какой-нибудь добрый человек меня по назначению. Поставлю я там «под ружье» участкового да пару дружинников, начнем с богом. Если найдем Леню – он мне должен будет вечную контрамарку выдать на все свои концерты.

Отправив Никитина на оперативной машине, капитан с сожалением подумал, что зря не договорился с ним о контрольном звонке в управление. Если младшему лейтенанту не удастся сегодня напасть на след мужчины с портфелем, он будет звонить Панину домой только в двенадцать. Несколько часов неизвестности! Капитану они казались невыносимыми.

Чем больше Папин думал о пропаже куска пленки в монтажной, тем беспокойнее было у него на душе. «А вдруг те люди, что похитили певца, тоже вспомнили о свидетеле, и пропажа пленки совсем не случайна? Фантазия? Да разве вся история с исчезновением певца не выглядит фантастично? Предположим самое плохое – пленку похитили. Не выбросили, не потеряли, не взяли на память, а похитили, чтобы найти случайного свидетеля? Кто?»

Льва Максимова капитан сразу же вынес за черту подозреваемых. Оператора Николая Мартынова – тоже. Монтажница Светлана Яковлевна? Казалось бы, самый очевидный кандидат в похитители. Украсть пленку ей было легче всех. Но если преступники попросили ее добыть фотографию мужчины с портфелем, она могла отдать им одну из тех, что напечатали для Панина. И не ставить себя под удар, передавая всю пленку.

Телефон Максимова не отвечал, и волей-неволей выяснение всех вопросов приходилось откладывать на завтра.

Кроме Светланы Яковлевны потенциальным похитителем мог быть любой сотрудник телецентра: уборщица, пожарник, имеющий ключи от всех комнат на студии, работники охраны... Но всеми этими людьми можно было заняться только завтра. Завтра. А сегодня преступники, возможно, уже ходят по тем же адресам, что и Никитин, выспрашивают людей, показывая такую же фотографию. Вопрос только в том, кто идет впереди? Если преступники – все может закончиться трагедией.

«Поеду-ка я тоже на улицу Халтурина!» – решил Панин и, приняв такое решение, сразу успокоился.

Несмотря на позднее время, на набережной Невы и на улицах было много гуляющих, но бывшая Миллионная словно вымерла. Один-два редких прохожих встретились капитану, когда он, поставив машину на замощенной брусчаткой набережной Зимней канавки, отправился на поиски Никитина. Да еще столкнулся он с неожиданно вывернувшей из переулка странной процессией: девять мужчин под развернутым черным флагом молча шагали в сторону Марсова поля. Одеты они были не слишком опрятно, половина – с бородами. У идущего

впереди здоровенного парня Панин заметил в руках ржавую цепь. Ни лозунгов, ни эмблем – одно черное знамя. Куда они двигались так целеустремленно, какие взгляды исповедовали? В другое время капитан попробовал бы удовлетворить свое любопытство, но сейчас ему было не до молчаливых демонстрантов.

...Младшего лейтенанта Панин встретил выходящим из мрачного здания гостиницы Академии наук. Вид у Евгения был не самый свежий: небритый, под глазами обозначились синеватые круги.

– Что-нибудь новенькое? – спросил он с надеждой.

– Пирожков тебе принес, – Панин похлопал по кейсу.

– Да я только что перекусил. В гостинице так кофе пахло, что не утерпел; набрел по запаху на буфет. Прекрасный кофе, а пирожок заваливающий. Как камень. Даже не понял с чем.

– А у меня с мясом. Горячие были. – Покупал их Панин и вправду горячими, но с тех пор прошло уже часов пять.

– Спасибо. Не хочу. У вас на Литейном все так заботятся о молодых кадрах?

– Через одного, – усмехнулся Панин. – А где участковый?

– В отпуске. Опорный пункт на замке. Все в лучших традициях перестройки.

– Вот я и приехал тебе в помощь. Пару часиков походим? Ноги еще держат?

– Ноги держат, но кто нас на ночь глядя в квартиры пустит?

– Ночи ведь белые, – пошутил Панин. Он совсем выпустил из виду, что ночи хоть и белые, но все-таки ночи. А люди ночью, как правило, спят.

– Давай несколько домов обойдем, а завтра тебе в помощь попросим ребят из райотдела. – Уходить несолоно хлебавши ему не хотелось.

Они остановились у подъезда старого особняка, выкрашенного в густой вишневый цвет. В одной из квартир первого этажа горела люстра и был виден редкой красоты деревянный резной потолок.

– Вот повезло людям, – с завистью сказал младший лейтенант. – В такой квартире живут! – И, словно отсекая все постороннее, без перехода спросил Паника: – Ты мне так и не сказал, чего приехал? Не пирожками же меля кормить? Решил проконтролировать?

– У меня только и забот тебя контролировать! Торопиться нам надо, вот и приехал. Давай, ты в этот дом двигай. Потолки получше разглядишь. А я загляну в следующий.

Следующий особняк был такой же красивый. В подъезде стоял едва уловимый запах хороших сигарет. Панин подумал, что неплохо было бы во всех этих штучных особняках устроить уютные гостиницы с крошечными ресторанами. И чтобы в ресторанах этих никогда не стояли очереди и кормили в них недорого и вкусно. Тогда не надо было бы носить в кейсе пирожки, которые и есть-то можно только тогда, когда они очень горячие.

Он начал с первого этажа. Собственно, это был бельэтаж. В цокольном этаже располагалась какая-то мастерская, сейчас закрытая на большой амбарный замок. Панин взял себе на заметку, что надо выяснить, когда эта мастерская открывается.

В первой квартире на звонок никто не откликнулся. Капитан позвонил в следующую. В это время послышались быстрые, энергичные шаги: по лестнице спускался крупный молодой человек в модной куртке нараспашку и майке с американским гербом. Отвислые светлые усы и изрядное брюшко придавали парню какой-то домашний, «уютный» вид. Панин подумал о том, что надо бы расспросить усатого, и сказал:

– Молодой человек, вы живете в этом доме?

Но в это время из-за дверей квартиры, в которую он позвонил, раздался сердитый женский голос:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.